

Степаненко К.Н.

Париж – Дацан

Москва 2020

Понеслось!

Несмотря на унизительно-праведно проведенный вечер, пробуждение было фееричным. Давно уже Матвей не видел во сне так явственно этот живой моток разноцветных нитей-спиралей, окутывающий черный шар явной опасности в очевидно-неудачной попытке предостеречь и обезопасить. Ему было ясно, что опасность появилась (или появится) внезапно, она не была подготовлена какими-либо осознанными действиями самого Матвея или его ближнего окружения, но от этого опасность не становилась менее угрожающей.

Хорошо, конечно, что «ближнее окружение» Матвея, а точнее – его жена и дочь, находились на даче, и не было необходимости объяснять им причину внезапного раннего пробуждения отца семейства и громкого посещения им ванной комнаты не по естественным мотивам, а просто умыться.

«Давненько мой любимый внутренний голос так себя не проявлял. Что же тебя так взволновало? Но спасибо за предупреждение, буду иметь в виду...».

Сон уже не шел, да и засветлевший за окном рассвет ясно дал понять, что идти в еще тёплую кровать бесполезно. А потому ранний кофе и недосмотренная вчера очередная историческая сериальная сказка оказались весьма кстати. И всё, вроде бы, нормально, как говорят люди под погонами и рядом с ними – «штатно», но как-то не по себе.

Ожидание облома всегда тягостнее, чем сам облом.

Как только солнце село на крышу впередистоящего дома, был сделан звонок «ближнему окружению», чей сонный и потому не очень дружеский голос подтвердил, что с любимыми всё в

порядке. Вторая чашечка крепкого кофе с добавленной «для удовольствия» ванилью упала на уже подготовленную для окончательного пробуждения почву, а потому была особенно приятна.

«Борьба со злом» в успокаивающемся мозге стала стихать, как клокотание воды в выключившемся после её закипания чайнике, и мысли уже, было, стали настраиваться на процедуру подготовки тела к выходу на работу. Последнее, что услышал Матвей перед финальным заходом в ванную комнату из еще воспроизводящего вчерашний сериал компьютера, были слова псевдовикинга, грозящего своим топором толпе стоящих перед ним псевдорусичей.

- Взяли мы вас на щит, и Один – свидетель, научим вас любить и защищать эту землю!

И, уже намыливая мыльной пеной успевшую отрасти за ночь щетину, ухватил Матвей последнюю, промелькнувшую в голове и окончательно затмившую «шар опасности» мысль – «Да попади ты в нашу «учебку», тебя там за неделю без всякого топора научат и Родину любить и ...спать стоя!»

Проигнорировав, на всякий случай, лифт и внимательно следя за маршрутами черных кошек на улицах столицы, дошел Матвей до метро, аккуратно вошел в подошедший вагон, и через полчаса был в величественном «сталинской постройки» здании, несколько этажей которого занимал центральный офис компании, приютившей Матвея в этот период его земного бытия.

Войдя в общий с шефом секретариат, бывший, как водится, средоточением всего, происходящего не только в компании, но и во всем прочем мире, Матвей не успел даже поздороваться с «серыми кардинальшами», как получил от них жесткое указание следовать в загородный дом шефа.

Альхен

- Его машина вас ждёт с 9 утра! – эта категорическая фраза из уст всегда такой приветливой помощницы буквально ошеломила Матвея. Даже не успев спрятать в карман приготовленный ключ от своего кабинета, он буквально в движении развернулся на 180 градусов и вышел в коридор. Четкости маневра могла бы позавидовать американская эскадра, получившая от встречного русского корабля сигнал о наведении оружия и услышав лязг открываемых ракетных люков.

Проигнорировав запоздалое, в спину, – «Может, кофе попьете?», он злорадно ухмыльнулся – «Попомните еще меня, сплетницы жестокосердные!» и, опять по лестнице, спустился в цокольный гараж.

Удобно устроившись на заднем кожаном диване комфортабельной машины и отвергнув всякие попытки водителя поговорить «за жизнь», Матвей терпеливо ждал, пока машина пробьется через еще закупоренный центр города, легко и могуче преодолеет двадцать километров «вылетного» шоссе, минует шлагбаум коттеджного поселка и через пять минут ныряния в неприметные зеленые проулки остановится у приветливого коттеджа в сени раскидистых деревьев.

Выйдя из машины, Матвей успел сказать нахмуренному водителю:

- Без обид, Сергей Владимирович. Просто день сегодня такой... - и направился к дому.

- Матвей, привет! Если не возражаешь, здесь давай посидим, - на лужайке, за накрытым чайным столом, его ждал шеф. В тренировочном костюме, он словно закончил теннисную партию.

- Извини, что вытащил тебя так неожиданно... – начал было шеф, но Матвей его невежливо прервал:

- Не хочешь, чтобы слушали, давай до трусов разденемся. И музыку включи погромче.

- До трусов не надо. Я телефон дома оставил. Свой можешь сюда положить, - он показал на стоящую на столе пустую хлебницу, лишь электрический провод которой свидетельствовал о том, что у неё – иное предназначение.

На приобретении таких хлебниц – глушилок настоял в свое время Матвей, которого «достали» вечно приходящие на совещания работники со своими мобильниками. Табличка на столе у секретаря – «Оставьте здесь перед совещанием свой телефон» не помогала. Однажды Матвей даже пригласил на совещание одного знакомого специалиста, который наглядно показал, что звук снимается даже с неработающего телефона, но мобильники продолжали носить с собой. Можно было, конечно, устроить показательный взрыв не сданного телефона в кармане у нарушителя, но крови и претензий по поводу испорченной одежды и оплаченного больничного не хотелось. Были закуплены «хлебницы», в которые работники, как дети в новую игрушку, охотно клали свои телефоны.

Матвей понимал, что рано или поздно игры в «шпиончиков» всем надоедят, и телефоны будут работать в карманах и сумках во время совещаний. Но это уже будет новый день. И новые санкции!

Отвергнув, скорее из вредности, хлебницу – глушилку, Матвей включил на своём телефоне режим радиоприёмника, поймал хорошую джазовую музыку, сделал погромче и положил телефон на декоративный камень недалеко от стола. Поудобнее устроился в кресле и подмигнул шефу.

- Ладно. Говори! Что стряслось?

- Ну, приготовься. Рассказ будет длинным. Помнишь я тебе когда-то рассказывал о своих предках, обо всём нашем могучем генеалогическом древе. Помнишь, ты еще помог моему родственнику Паше. У него тогда трагически ушли из жизни жена и

сын, а с твоей помощью удалось тогда целую банду лжеэкстрасенсов разоблачить. Мы тогда еще школу организовали для одаренных детей, ну этих, детей «индиго». И Паша туда работать перешел.

- Да, помню. Что-то опять с Пашей? Или со школой? Я, кстати, давно там не был. У меня ведь там рядом домик с банькой. Можем съездить, попариться.

- Нет, с Пашей и школой, насколько я знаю, всё хорошо. Ты же такую «крышу» им устроил... Паша говорил, у их нового директора даже сквозь халат лампасы видны. Ну, оно и правильно. Нельзя таким людям без присмотра жить. Но я совсем о другом хотел тебе рассказать. Я тебе рассказывал, сколько у нас с Пашей родичей было когда-то. Могучее племя.... Жаль, почти все бездетными уходили. Вот и Паша без детей остался. И у меня одна дочь....

- Не переживай так. И ты и Паша еще не старики. Да и от дочки твоей ветка хорошая может в вашем древе пойти.

- Ладно, не об этом сейчас. Среди наших родственников были некто Добужинские. Линия эта идёт от литовско-прусско-польских князей, которые перешли на служение Иоанну Четвёртому, то бишь, Грозному, еще в 16 веке. Их фамильные земли были под Смоленском, там еще...

- Короче!

- И еще пару замков и местечек были в Белоруссии...

- Еще короче!

- Так вот. Алексей Михайлович Добужинский, профессор Петербургского университета, академик где-то там в области звука, акустики и космических ветров, еще в 1908 году уехал по приглашению Академии наук Франции читать лекции в Париж. Где и остался. Потом война, потом революция, потом вторая война...

- У меня мало времени.

- Да ладно тебе, торопыга. Это же моя история, семья...

- Дочке рассказывай. А лучше напиши. Не можешь сам – я тебе писаку подгоню. Сейчас многие бумагу переводят, писатели, мать их... Научили грамоте на свою голову. Ликбез, ликбез... Что плохого было в том, что народ только крестом мог подписываться? Фигню разную не читал, заборы не портил, ни тебе спама, ни тебе фейка. Попахал землю и расти духовно. Над собой... Создавай здоровое потомство!

- Матвей, успокойся! Возьми себя в руку! Разошелся, чёрт грамотный.... Так вот, этот мой троюродный прадед Добужинский читал себе лекции, в политику не лез, с Белым движением связи не имел. Потому и не тронули тогда нас всех, оставшихся в России. Хотя на Лубянке многие побывали... Но, когда дочь профессора, Мария Алексеевна, получила после войны орден Боевого Красного Знамени на той же Лубянке, так и вовсе от нас отстали.

- Орден? Эмигрантка? Вот это уже интересно. А можно поподробнее?

- Конечно, можно. А зачем я тебя сюда позвал? Внимай! У профессора было два сына и две дочери. Один сын погиб во время Второй мировой, в Северной Африке, куда он, будучи уже успешным историком и археологом, бежал из Парижа для участия в борьбе с фашизмом на стороне Движения сопротивления генерала де Голля. Потом из лагеря, где готовились силы Сопротивления, он снова сбежал, но уже непосредственно на фронт боевых действий. Ему казалось, что их слишком долго готовят, а хотелось драться с врагом! В итоге, его поймали свои же и, как дезертира, расстреляли...

Второй сын погиб в Париже, во время известного восстания парижан против немцев в 1944 году. Тогда гестапо спровоцировало восстание и уничтожило всех активных антифашистов.

Сам профессор Добужинский, как отец двух бойцов Сопротивления, попал в концлагерь, где и погиб. К счастью, его жена до этого не дожила...

- А дочери?

- Не спеши, Матвей, всё узнаешь. Еще до вторжения немцев во Францию, где-то в году 1933, обе дочери уехали учиться на искусствоведов в испанский университет Саламанки. Гражданскую войну они встретили в рядах республиканцев. Старшая, Ирина, пропала, а скорее всего, погибла на баррикадах. А вот младшая, Мария Алексеевна Добужинская, стала работать на советскую разведку. Еще до разгрома республиканцев и окончательной победы Франко, её вывезли из Испании в Северную Европу.

- Постой, ты – то откуда это всё знаешь? Ты изучал рассекреченные архивы? В Париже или на Лубянке? – искренне удивился Матвей.

- Да кто бы меня туда пустил, да и время, насколько я знаю, еще не пришло для снятия грифа секретности! Это сама Мария Алексеевна Добужинская моему отцу рассказывала, когда в восьмидесятые годы приезжала в Москву, где ей и вручили орден.

- Чего же так поздно? Ты говорил, что наградили её сразу после войны?

- Ну да. Представили и наградили где-то в 1946, а вручили только в восьмидесятые. Значит, нельзя было раньше этого делать. Я думаю, она могла продолжать работать на разведку, или раскрывать её перед французами не хотели...

- Молодец, логично мыслишь! И, приехав в Москву, она сразу нашла твоего отца?

- Думаю, не без помощи её московских кураторов. Отец, уже перед самым своим уходом, рассказывал мне, что его предупредили о Марии Алексеевне и даже встречу организовали в маленьком ресторанчике, где, как помнил отец, они были

единственными посетителями. Он еще подписку давал о неразглашении и обязался информировать о всех возможных дальнейших контактах.

- Ну, дал и дал. Куда было деваться? Он же о вас думал, о семье... - пытался утешить своего явно «потухшего» шефа Матвей.

- Конечно, деваться ему было некуда... Какая-то зарубежная тётка, хоть и героиня – разведчица. Я тоже дал! – Шеф орлом приосанился в кресле.

- Что – дал? Кому? – сначала не понял Матвей.

- Расписку! Что не буду контактировать с ней по собственной инициативе, сообщу о любой попытке с её стороны вступить со мной в контакт и передам в соответствующие органы всю возможно полученную мной информацию!

- Стоп, дружок. Теперь – очень подробно! Глотни чайку и успокойся. – Матвей налил в чашку своего взволнованного собеседника уже остывшего чая.

Успокоившись, тот продолжил.

- На прошлой неделе ко мне приходили... Ну эти, серьезные люди. Мы поговорили о Марии Алексеевне. Они рассказали, что она отказывается переезжать в Россию, хотя ей это уже несколько раз предлагали. Хочет быть упокоена в старинном семейном склепе в Париже. Сказали, что она уже совсем плоха, но как ветерану Сопротивления, награжденному одной из высших наград французской республики, ей обеспечен круглосуточный уход. Мне дали понять, что у Марии Алексеевны, возможно, остался архив документов о периоде со второй мировой войны до выхода Франции из НАТО. Эти документы очень важны и французам и нам, поскольку до сих пор они засекречены.

Мне пришлось подписать бумаги, о которых я тебе уже сказал, после чего мне вручили её письмо. Вот оно... - рука шефа почти не

дрожала, когда он протянул Матвею продолговатый конверт с затейливым вензелем на тисненой бумаге.

Получив, как воспитанный человек, разрешение, Матвей достал из конверта исписанный изящным, но слегка дрожащим почерком лист бумаги. Прекрасным русским языком, который только украшали старомодные обороты, Мария Алексеевна писала, что дни её сочтены. Последний приют она найдет в месте упокоения своей семьи в окружении друзей. От своего единственного, известного ей родственника, она просит почтить её последним визитом и привезти символическую горсть родной русской земли, которая будет смешана с прахом всей их семьи. Кроме того, она хотела бы передать на память о себе кое-какие «милые пустяки», которые хотела бы передать «лично, в семейные руки».

Дочитав письмо, Матвей аккуратно сложил его и убрал в конверт, начиная явственно понимать, о какой опасности предупреждал его утром его внутренний голос. Видя, что шеф нетерпеливо заёрзал на кресле, пытаясь что-то сказать, Матвей остановил его властным движением руки.

- Тихо, дружок. Сейчас я буду предполагать, что было дальше, а ты только кивай, если я прав, или маши головой, если, к твоему счастью, я ошибусь.

Итак, милый друг, или, как, очевидно, говорит твоя тетушка, «шер ами», то есть, по-русски, шаромыжник, по прочтении этого письма серьёзные дяди спросили, всё ли тебе понятно, а, получив твой утвердительный ответ, прямо предложили собираться в дорогу.

Шеф быстро и радостно закивал головой.

- Тебе было предложено навестить умирающую тетушку и забрать у неё «последний подарок», в каком виде он бы не был тебе вручен.

Серия энергичных кивков.

- Указанный предмет или предметы ты должен будешь прямо в Париже вручить представителю посольства? Связному от Юстаса? Или, не дай Бог, довести в сопровождении истребителей ВКС РФ до Москвы? Выбери правильный ответ.

- Представитель посольства меня должен был встретить в аэропорту, довести до тетушки и забрать подарок, - пролепетал шеф.

Слово «был» не ускользнуло от внимания Матвея, чувствовавшего себя как оголенный нерв на приёме стоматолога.

- Продолжим тест! Потом ты чуть-чуть подумал, вспомнил, что на три месяца улетаешь на Генассамблею ООН, давно обещал пингвинам навестить их в Антарктиде, да и вообще не испытываешь родственных чувств к тетушке – эмигранте. Поэтому ехать не можешь.

Кивок в смущении «а-ля Альхен».

- Тебе напомнили про чувство долга и патриотизм, сказали о возможных негативных последствиях отказа. И тут ты привёл свой последний аргумент – мол, специально не обучен, не чувствую в себе должных сил, не смогу, расколуюсь, всё испорчу.

Кивок – кивок.

- И тут ты даёшь гениальное, с твоей точки зрения, решение!

В Париж едет, за твой, разумеется, счёт, твой представитель. Самый доверенный – доверенный, умелый – умелый, опытный и обученный. То есть – я!

Кивок, но с добавлением – «про оплату поездки я не говорил...»

- Ну, мои координаты ты им дал. Отчет «наверх» о нашей встрече напишешь завтра. Или уже сегодня – зачем же нам тогда интернет? Ничего тебе не скажу, боюсь за свой французский. Потом

поговорим, но официально предупреждаю – начинаю искать другую работу! И обязательные две недели ходить в офис не буду! Да, кстати, а от кого тогда, мой трусливый друг, ты, якобы, пытался обезопасить наш разговор этой глушилкой?

Париж

Конечно, на следующий день был утренний звонок, и, конечно, состоялась встреча. Хорошо, ума хватило - не тащить в присутственное место, а просто поговорить за чашкой хорошего кофе в отдельном пустом кабинете всегда переполненного кафе. Всё и так было ясно. Матвея просто попросили, и он, естественно, дал согласие. Как старая полковая лошадь, при звуке боевой трубы, не мог не востепенуться, тряхнуть поседевшей гривой и отдать копытом честь – «Есть!».

«Чистаа... по дружбе» ему сообщили, что точной информацией о наличии у Марии Алексеевны архива данных они не располагают. Известно лишь, что до 70-ых годов она работала в секретариате правительственной канцелярии, имела доступ к литерной информации. Установлено также, что она находится под контролем местной службы безопасности, контролирующей её контакты. Кроме того, экспертами установлено, что её последнее письмо своему трусоватому родственнику вскрывалось сразу после его запечатывания, то есть в Париже.

Словом – езжай в Париж, может, что и привезешь!

Мелкие детали беседы не достойны внимания моего любезного читателя, но парабеллума Матвею не дали. Тем самым дав понять, что живым сдаваться можно. Всё равно ничего не знаешь!

Ехать под видом родственника не получится. Фото Матвея, наверняка, есть в архивах даже на островах Океании. Так что всё, как обычно. Легенда, документы, удача! Джентельменский набор искателя приключений на собственную ...спину.

Шефа, с которым Матвей, как и обещал, не встречался, всё-таки раскрутили на оплату поездки. Видимо, знали серьезные, но вежливые дяди, какие-то волшебные слова. Матвею перевели на карточку с личного счета шефа солидную сумму, вручили увесистую пачку наличных, взяли бизнес-класс в самолете и забронировали (вернее, он сам забронировал) не самый дешевый номер в центре Парижа, в престижном Девятом округе, где жила княжна Мария Алексеевна Добужинская.

Самолет сделал красивый полукруг над пригородами Парижа, позволив прильнувшему к иллюминатору Матвею насладиться панорамой величественного города в розовом отсвете раннего заката. Шасси нежно коснулись асфальта посадочной полосы, и толпа разноцветных одеждой, но черно-желтых лицами пассажиров восторженно зааплодировала мастерству пилота. Матвея всегда удивляла эта, ставшая привычной даже в России, манера хлопнуть пилоту при посадке самолета. В горячих точках это рукоплесканье понятно – спасибо, родной, что живыми долетели! Но в обычной ситуации... Мы же не аплодируем машинистам поезда или метро, водителям троллейбуса или трамвая. А уж таксистам – все бы руки отстучал, как на поле боя.

Баклажанно - чёрный таксист в ярко-желтой рубашке и такой же круглой шапочке лихо забросил скромный чемодан Матвея в багажник своего Рено и приветливо открыл заднюю дверь машины. Ну не ездят на Западе пассажиры на переднем сидении такси, как бы не хотелось посмотреть достопримечательности! На переднем сидении, рядом с водителем, лежит всякая его всячина, от воды до чипсов, отчего даже обивка не располагает к усаживанию на неё. Конечно, Матвей сразу согласился на предложение «коренного парижанина» сделать обзорный осмотр города, честно

предупредив, что устная экскурсия ему не нужна, а времени у него – не более получаса. Уязвленный в своем желании рассказать о Париже и накатать по этому городу евриков на сто развесившего уши туриста, таксист обиженно засопел и уверенно влил машину в плотный поток движения.

Окраины великого города были похожи на окраины любой крупной европейской столицы – однотипные социальные дома с сохнувшим на окнах-балкончиках бельем и рабочей одеждой, бредущие по улицам и сидящие на всём, где можно сесть, представители не сильно развивающихся стран, по виду которых можно сразу определить, в какой части света данная столица «обихаживала» свои колонии. Маленькие харчевни и забегаловки уже выставили свои заполненные вечерней публикой столики на улицы. Зоркий глаз Матвея успел разглядеть, что на столиках в большинстве своём стоят не милые нашему сердцу кружки с пенистым напитком и стеклянные бутылки – графинчики – шкалики, а пузатые чайные стаканчики – калebasы – пиалы. Ну, что же, мы тоже приветствуем здоровый образ жизни!

Правда, издалека, из окна парижского такси, везущего нас к иным радостям жизни.

Протяжный крик муэдзина, призывающего праведных к очередному намазу, уже не сильно диссонировал в восприятии Матвеем наихристианнейшего города Европы. Он увидел впереди шпиль Собора! Нотр-дам де Пари, культовое место для всех, кто в отрочестве своем читал не комиксы про смурфиков, а упивался бессмертным творением Гюго. Горбун Квазимодо, настоятель, бравый офицер Феб, Эсмеральда со своей козочкой Джали и сынишкой Зефиром. Спасибо мюзиклу, напомнившему все эти дивные имена, а то так и забыли бы старину Виктора Гюго!

Чем ближе машина подъезжала к острову Сите, на котором и находился легендарный собор, тем большее недоумение читалось на лице Матвея. Память усердно рисовала ему мрачные темные

стены, черных горгулий на крыше, почти неразличимую в копоти истории мозаику окон... Но он увидел свежееотпескоструенные стены, отмытые витражи, и, в целом, весёленькую такую церквуху, приметную лишь извилистой, как китайский дракон, очередью желающих посетить Собор туристов. Проезжая по набережной, Матвей не видел, представители каких народов стояли в этой очереди, но мог поклясться, что в большинстве своём это были китайцы, с раннего детства впитавшие в себя любовь к творениям французских классиков. Впрочем, мюзикл они могли слышать из своих отовсюду торчащих гаджетов.

Въехав в центральную часть города, Матвей снова, как и много лет назад, мысленно поаплодировал императору Наполеону Третьему и его префекту Эжену Осману, сумевшим превратить грязный, вонючий и запутанный средневековый Париж в совершенное архитектурное творение с широкими прямыми проспектами, изящными, блестящими индивидуальностью, домами с ажурными балкончиками, скверами и парками. И даже не жалко было истраченного императором всего бюджета Франции, которая много лет после этого выпутывалась из долговых сетей. Матвей помнил, что образцом для Наполеона Третьего и его верного префекта Османа был Лондон, где в изгнании жил этот французский император. Тогда, на волне промышленной революции, английский капитал полностью перестроил свою столицу, проведя канализацию, электричество и убрав домашние камины и печи, как единственное средство отопления. Тогда исчез риск гигантских пожаров, а Лондон перестал быть городом туманов, став истинной столицей великой империи.

Кроме столь же грандиозных планов, Наполеон Третий хотел еще избавиться от кривых и узких улиц Парижа, столь удобных для возведения баррикад. Жива еще была у жившего в изгнании императора память о жестокой французской революции и трагической смерти своих предшественников по трону!

И ведь примеру Наполеона Третьего последовали! Король Бельгии Леопольд Второй тоже перестроил по такому же принципу свою столицу. Огромного бюджета Франции у маленькой Бельгии не было, но добряк – Леопольд извернулся. «Чисто демократически», то есть «народ так захотел», в его личную собственность отошла единственная значимая колония – Бельгийское Конго, богатое алмазами. И благодетель король пустил все получаемые от Конго доходы, ни с кем не советуясь и ни перед кем не отчитываясь, на переустройство стольного города Брюсселя, не трогая бюджета своей страны. Были же добрые короли! Правда, к судьбе жестоко эксплуатируемых и фактически уничтоженных колонизаторами конголезцев это не относится.

Но – дело сделано, и весь мир восхищается Парижем. В этом, видимо, и состоит историческая мудрость лидера – поставить цель, выбрать эффективного исполнителя и мудро следить за проведением работ и реакции на них прочих вассалов. А в случае чего, можно и на пики сбросить проштрафившегося исполнителя, на радость толпы и в обеление себя, великого.

Но вот и отель в том же османовском стиле. Чуть дальше по той же улице Реамюр находится и дом княжны Марии Алексеевны Добужинской. Матвей щедро расплатился с таксистом, и, хотя выданная им сумма не шла ни в какое сравнение с помощью СССР родине «парижанина», тот искренне поблагодарил русского туриста.

«Добрые дяди» в Москве снабдили Матвея домашним телефоном княжны, и первое, что он сделал, войдя в номер отеля, он позвонил. Женский молодежавый голос ответил, что «мадам» не может подойти к аппарату. Матвей представился приехавшим по приглашению «мадам» гостем из Москвы и, с трудом подбирая слова порядком подзабытого языка, попросил разрешения нанести визит. После короткой паузы, тот же голос пригласил Матвея навестить мадам не ранее, чем через три часа.

Княжна

Через три часа и пятнадцать минут побритый и переодевшийся Матвей звонил в домофон нужного дома. Перекладывая из руки в руку букет цветов и пакет с коробкой московских конфет, он прекрасно рассмотрел двух «прохожих» на другой стороне улицы, беззастенчиво фотографирующих его под предлогом фотосъёмки действительно красивого дома. Даже сомнения не было в том, что такие же «прохожие» сейчас так же беззастенчиво роются в его чемодане в гостиничном номере, в то время как их коллеги проверяют Матвея по всем картотекам французской службы безопасности Сюрте, Интерпола и на просторах всеобъемлющего Интернета.

Войдя в изящно оформленный холл и миновав бдительного консьержа, Матвей поднялся в старинном, железном и лязгающем лифте на «дворянский» третий этаж, где у уже приоткрытой двери его ждала миловидная азиатская девушка в голубом халате медсестры. Зная, что гостевых тапочек в лучших домах Парижа не предлагают, Матвей тщательно вытер подошвы своих сияющих ботинок о специальный коврик и прошел за медсестрой в гостиную.

Мария Алексеевна сидела в кресле-каталке у окна. На спинке кресла был закреплен баллон с кислородом, шланг от которого был зафиксирован на уровне плеча княжны. Спину Мария Алексеевна держала, как по линейке, прямо («порода сразу видна» - успел подумать Матвей), густые седые волосы были аккуратно расчесаны и спрятаны под щегольский кружевной чепец. В руках, длинные ухоженные пальцы которых были с достоинством украшены не вычурными, но с большим вкусом сделанными и явно старинными кольцами, она держала фарфоровую чайную чашку. Когда Матвей вошел в комнату, она протянул чашку медсестре, которая

принялась, было, сразу протирать специальной шваброй пол за спиной Матвея.

- Минг, дорогая, хватит убивать несуществующих микробов. Мне это уже не поможет, а умереть от какой-нибудь бактерии с далекой родины я бы даже хотела. Дай нам поговорить наедине, а через полчаса угости нас чаем с печеньем. Цветы можешь поставить в вазу, - властным голосом, не вязавшимся с её изможденным видом и хрупкой фигуркой, по-французски приказала княжна сестре, и та беспрекословно вышла из комнаты.

- Вы – не мой дальний родственник, которого я помню по фотографии, которую мне в свое время показывал его отец. Черты лица могли измениться, но посадка головы и форма ушей не меняются. Моё зрение уже не так остро, но это я успела заметить. Как и тех двух молодцов, что следили за вами, а теперь сидят в машине напротив подъезда и ждут вашего возвращения. И представьте, пожалуйста, - русский язык Марии Алексеевны был совершенен, хотя и не лишен некоторого уже непривычного нашему уху аристократизма.

- Вы правы, Мария Алексеевна. Я – не ваш родственник, зовут меня Матвей, простое русское имя, можно без отчества, - и Матвей кратко, и почти правдиво, рассказал о том, что истинный племянник княжны «очень плохо себя чувствует, готовится к плановой операции» и настоятельно просил его, Матвея, выполнить просьбу своей «горячо любимой» тетушки.

- У меня есть его письмо и несколько фотографий, подтверждающих мой рассказ, - Матвей открыл пакет, намереваясь достать папку с бумагами.

- Ничего не надо. Вам верю. Вашей истории про племянника – не очень. Про «горячо любимую тетушку», спасибо, что солгали. У вас там, в пакете, случайно не селёdochка с чёрным хлебушком? Нет? А жаль... Хотя мне их категорически нельзя даже пробовать. Хотела хоть понюхать их напоследок. А конфеты положите на стол.

Угощу Минг. Вьетнамцы любят сладкое. А наши конфеты очень вкусные. Были...

Ну, хорошо, Матвей. Располагайтесь поудобнее. Давайте поговорим, раз уж навестили больную старуху. Молодец, что не пытаетесь меня убеждать в том, что я – не больная и не совсем еще старуха.

И они просидели несколько часов, как-то проникнувшись друг к другу доверием и расположением. Минг несколько раз заваривала им чай, пару раз увозила княжну для каких-то медицинских манипуляций, меняла ей баллон с кислородом, которым Мария Алексеевна периодически энергично дышала. Матвей рассказал княжне известную ему историю рода своего шефа, особенно в части тех родственников, о которых Мария Алексеевна могла не знать. (А если и знала, то лишний раз подтвердить ей, да и тем, кто прослушивал квартиру, легенду его, Матвея, пребывания в Париже, совсем не вредно). С особым интересом выслушала она историю Павла и гибели его семьи.

- Вы помогли? – тихо спросила Мария Алексеевна.

Матвей лишь кивнул головой.

Подробности жизни её настоящего племянника, его семьи, были ей неинтересны. «Наш род прекратился», - печально обмолвилась княжна, когда Матвей рассказал о том, что все родственники, со слов его шефа, уходили из жизни бездетными, и лишь у её истинного племянника есть дочь.

Фотографию дочери шефа она всё-таки попросила посмотреть, долго вглядывалась в лицо девочки.

- Что-то от нашей породы есть. Может, израстётся, а может и сохранит... Я вам для неё кое-что дам.

Потом Матвей рассказывал, что мог и что считал нужным, о положении в нашей стране, благоустройстве Москвы.

Уже совсем стемнело, когда в комнату осторожно зашла Минг.

- Мадам очень устала. Ей пора спать.

- Да, да, милейший Матвей. Простите старуху. Совсем расклеилась. Не знаю, как буду спать после ваших рассказов. Попрошу Минг дать мне двойную дозу снотворного. Вы ведь придете завтра? После обеда, если можете. С утра у меня будет мой духовный отец, настоятель Собора Александра Невского отец Сергей Оболенский. Обедать со мной вам удовольствия не доставит. А часам к трём приходите. Буду очень рада увидеть вас снова. Придете?

- Конечно! – Матвей был искренен.

Уходя, он положил в карман халата Минг солидную купюру. Та не стала отказываться.

Ребята на улице его дождались. Желая сделать им (и себе) приятное, он зашел в ближайшее бистро, где заказал себе стейк, бутылочку Бужоле и кофе. Хотел, было, и зашедшим за ним в кафе топтунам заказать еды в знак своего расположения и благонадежности. Но раздумал. И правильно сделал.

Как говаривал один из наставников Матвея – «не надо дразнить гусей». Неизвестно, как воспримут такой знак внимания сами топтуны и их начальство, которое может решить, что «специально обученный» Матвей раскрыл их тайную слежку и теперь издевается над проколовшимися. А это чревато провокацией!

Гостиничный номер внешне был не тронут. Даже «приветственная» бутылочка вина с обязательной конфеткой на подушке были заботливо приготовлены. Правда, незаметный волосок, как бы случайно оставленный Матвеем на мешочке с родной московской землей куда-то исчез.

Бывает...

Чего кривить душой, было сильное желание спуститься в бар и запить непростой день парой стаканчиков любимого ирландского виски, но внутренний голос сказал – «Не надо. Не дразни гусей!»

И Матвей ему поверил. И правильно сделал.

Прекрасно выспавшись, решил посвятить свободные полдня осмотру города. Проигнорировав гостиничный «халявный» завтрак, вышел на щедрое весеннее парижское солнышко, уже ощутимо пробивающееся сквозь молодую листву знаменитых каштанов, растущих вдоль улицы. Выбрав у ближайшего уличного кафе выносной столик в тени, Матвей с удовольствием выпил чашечку кофе, помакивая в неё свежее испеченный круассан. Да, в этом действительно было что-то необъяснимо прекрасное. Недаром многие гиганты российской политической и художественной мысли именно в Париже и именно в момент утреннего кофепития под каштанами вынашивали идеи прекрасного обустройства жизни. Вот только – в какой стране, и чей, конкретно, жизни? Сейчас многие, мучающиеся совестью в Лондоне – Париже – Вене, смогли бы ответить на этот вопрос.

Но кто же их спрашивать-то будет!?

Отметя такие столпы мировой культуры и коллективного придыхания, как Лувр, Эйфелева башня, Дом ветеранов и Версаль, поскольку ни одна достопримечательность не стоит многокилометровой очереди и туристической давки в ходе беглого осмотра, Матвей решил просто погулять по городу, наблюдая за его повседневной жизнью.

Елисейские поля с таким обилием иссиня-черных парижан из бывших колоний, что так и хочется спросить у них – а где все те, что жили здесь раньше?

Набережные Сены с книжными развалами, где, к сожалению, уже нет старых книг, вывезенных первой, да и второй волной русской эмиграции.

Мост Александра Третьего, красивый, ажурный. Про него шутят, что это была единственная удачная торговая сделка России. Деньги на строительство дал под хороший процент русский император, строили русские подрядчики по русскому же проекту, и даже ажурную железную вязь столбов и парапетов отливали тоже в России. Якобы... Но всё равно примечательный факт. Даже можно нафантазировать, что свою нынешнюю модель оказания экономической помощи Запад во главе с США «позаимствовал» тогда у России.

«Ну всё у нас стырили!» - заорут «квасные» патриоты. И не будут так уж неправы!

Пройдя мимо здания Французской оперы, Матвей отказался от экскурсии – опять хвост очереди и только управляемые, то есть подгоняемые гидом, группы. И в сотне метров от оперы, к своему удивлению, увидел еще более длинные очереди, причем из одних китайцев, упирающиеся в служебные входы, но не в музеи, а в известные парижские торговые галереи «Лафайет» и «Прентан». Увиденное так поразило Матвея, что, найдя очередной столик под тенью каштана, он заказал кофе и стал тупо, по-зевачьи, лицезреть китайское «дефиле».

Видя его интерес, пожилой «гарсон», у которого образовалась пауза в его работе, прислонился к стойке входа в кафе и негромко, словно сам себе, начал говорить, обращаясь явно к Матвею.

- И так каждый день, пока модные дома одежды, обуви и сумок выставляют свои новые коллекции. Китайцев впускают в бутики по два-три человека только в сопровождении специальной охраны. Те не дают фотографировать, а также разглядывать швы и изнанку образцов. Потом китайцы покупают один предмет на 10 человек. А через месяц даже наши магазины завалены китайскими репликами новых брендов.... Азия нас проглотит!

Матвей не стал комментировать, выразив двойными чаевыми свою солидарность с мнением парижанина.

Обед был съеден напротив ржавой махины Эйфелевой башни. Поглощая вкуснейший шницель, Матвей пытался представить себе огромного деревянного слона, коим изначально была эта башня, и вообразить, как в этом слоне жили многочисленные парижские гавроши, столь живописно описанные всё тем же стариком Гюго.

Всё это время бедные топтуны, явно изнывающие в своих куртках и не имеющие возможности воспользоваться своими автомобилями, плелись за Матвеем, неубедительно изображая беспечных туристов. Правда, все места, где Матвей останавливался и все его контакты, включая продавцов книжных развалов, сувенирщиков и официантов, были тщательным образом сфотодокументированы.

Раньше, когда все мужчины носили ботинки на каблуках, их стоптанность сразу выдавала топтунов. Теперь же - век кроссовок и трекинговых ботинок, когда только отвалившаяся подошва может указать на бедолагу, который не может из боязни потерять клиента забежать в магазин и быстро купить себе новую обувь.

В три часа Матвей вошел в уже знакомое парадное дома на Рю де Реомюр. Консьерж поздоровался с ним как со старым знакомым. При входе в квартиру, Матвей столкнулся со статным пожилым мужчиной в тёмно-серой рясе, поверх которой был надет довольно щегольский пиджак с каким-то религиозным знаком на петлице. В руках священник нёс увесистый портфель. Он внимательно посмотрел на Матвея, сказав по-русски:

- День добрый! Мария Алексеевна ждет вас.

Княжна (продолжение)

Княжна сидела в своём кресле с кислородным баллоном на обычном месте у окна. Тщательно ухоженная и уложенная, она

хорошо выглядела, если не считать бледности лица, которую не смог скрыть легкий слой телесной пудры.

- Здравствуйте, Матвей! – усталым голосом ответила она на его приветствие.

- У дверей вы встретили батюшку – настоятеля нашего православного Собора Александра Невского, Сергея Николаевича Оболенского. Отца Сергея. Он – очень хороший человек и мой духовный отец. Каким был до него его отец – князь Николай Оболенский. Князь, до того, как стать священником, помогал моим братьям в Соппротивлении. У него фашисты расстреляли жену и одного сына, а сам он сидел в тюрьме. После его смерти, его благородную миссию помощи православным русским эмигрантам возложил на себя его второй сын Сергей.

Присаживайтесь Матвей. Сегодня у нас будет долгий разговор. Насколько я выдержу. Я хочу рассказать вам о своей семье и себе. Вы дадите мне слово, что перескажете всё дочери моего племянника. Но только тогда, и при условии, что она сама этого захочет.

Кое – что для племянника и его дочери, если им это будет интересно, из истории нашей семьи. Около двух веков назад в числе наших предков был ваш тёзка - Матвей Александрович Дмитриев – Мамонов, основатель первого в России тайного патриотического общества «Союз русских рыцарей».

Род свой Дмитрий Александрович вёл от самого Рюрика, о чем есть записи в столбовых книгах. Его отец Александр числился в фаворитах Екатерины Великой. Судя по семейным парсунам, к сожалению, утраченным во время войны, оба они, и отец и сын были статны и красивы. И очень богаты!

Кстати, Лев Толстой писал образ Пьера Безухова с Матвея Дмитриева – Мамонова, но специально сделал его физически не привлекательным для художественного замысла романа.

Во время французского нашествия Наполеона Матвей Александрович пожертвовал на войну 3 миллиона рублей – колоссальные по тем временам деньги и сформировал за свой счет из собственных крепостных, казаков и вольных охотников конный полк. Став генерал-майором, Матвей Александрович, после изгнания Наполеона из России, водил свой полк в Европу, где сильно повздорил с союзниками-австрийцами.

Выйдя, по настоянию российского императора в отставку, он, вспомнив о том, что является Рюриковичем, оттесненным от престола Романовыми, формирует «Союз русских рыцарей». Целью общества должно быть свержение самодержавия, возложение полноты власти на Сенат, в который должны войти «самые достойные и богатые люди России». Он хотел упразднить крепостное право, цензуру и государственную монополию на вино и соль.

В «Союз русских рыцарей» вошли в том числе и все будущие декабристы.

Если бы не внезапное помутнение разума Матвея Александровича, возомнившего себя реальной оппозицией правящей династии Романовых и создавшим вокруг построенного им в имении замка настоящую армию с артиллерией, призванную выступить по его приказу против власти, он, вероятно, смог бы играть значительную роль в России.

Декабристы, ушедшие от безумного графа, рассчитывали на его армию при организации своего мятежа, но болезнь Матвея Александровича, по всей видимости, не позволила ему примкнуть к заговорщикам. А может и не хотел он делить ни с кем свою славу.

Его армия до последнего была верна своему полководцу и сложила оружие только по его приказу. Не признав Николая Первого своим императором и отказавшись присягать ему, больной граф был заперт в своем замке, где и почил в солидном возрасте.

Его несметные богатства были благополучно промотаны его неизвестными братьями и племянниками, а в семье осталась только память о герое войны и патриоте России.

После Матвея Дмитриева – Мамонова столь крупных и значимых фигур в нашем роду не было.

Итак, отец мой – князь Алексей Добужинский был профессором кафедры акустической физики в Политехнической школе Парижа. Мама ушла из жизни до Второй мировой войны. Отец погиб в концлагере в 1945 году, за несколько дней до освобождения лагеря американцами.

Старший мой брат, Серж, Сергей Алексеевич Добужинский, перед войной окончил Архитектурную школу Парижа и ещё получил диплом историка. Несколько раз выезжал в экспедиции, в том числе в Тибет и Китай, где вёл какие-то исследования, связанные с мистическими культурами.

В детстве он рассказывал мне, что за помощь бедным тибетским семьям, те дали ему тибетское имя Содном, что переводится как «творящий добро». И он просил меня запомнить это имя, - эту часть своего рассказа княжна, сделав вид, что её душит приступ астмы, произнесла почти шёпотом, наклонясь к самому лицу Матвея и пристально глядя тому в глаза. Потом продолжила:

- В суть и цель своих исследований в Непале и горах Тибета он нас не посвящал, но знаю, что после оккупации Парижа немцами, представители гестапо приходили к нему, пытались привлечь к сотрудничеству и перейти на работу в какой-то институт в Берлине. Он отказался и убежал из Франции в Северную Африку, где формировались боевые части Сопrotивления генерала де Голля. Процесс их формирования очень затянулся, в том числе по причине крайне нерегулярных поставок вооружения и снаряжения из Великобритании. Англичане, верные своей тактике, не торопились вооружать своего сильного соперника де Голля, надеясь, что

Гитлер успеет его уничтожить. Вы должны знать, что после оккупации Гитлером Франции именно англичане уничтожили весь французский военный флот. Как Лондон объяснил это де Голлю, англичане, якобы, получили информацию, что немцы будут использовать эти корабли для организации десанта в Англию.

По официальной, доведенной до нас версии, Серж бежал из лагеря в Алжире, намереваясь влиться в борьбу с нацистами непосредственно в Европе. Его, как нам сказали, поймали и расстреляли за дезертирство свои же. Этой версией, похоже, хотели настроить против де Голля русскую эмиграцию во Франции, многие представители которой участвовали в движении Соппротивления. Но у меня есть основания утверждать, что Сержа убили немцы из парижского гестапо и Аненербе за отказ сотрудничать с ними.

Второй мой брат - Николя, Николай Алексеевич Добужинский, погиб во время парижского антифашистского восстания в 1945 году, когда русский отдел парижского гестапо спровоцировал это вооруженное выступление, уничтожив всех его участников и сочувствующих.

Мы же с сестрой Ирен, Ириной Алексеевной Добужинской, еще до всех трагических событий в Европе уехали учиться в Испанию, на исторический факультет университета Саламанки. Там нас и застала революция, а затем и мятеж Франко. Мы стали активными участницами интербригад, воевавших на стороне республиканцев. Там я встретила с человеком, назвавшим себя Леонидом Александровичем и руководившем группами разведчиков – диверсантов из Советской России. Это чуть позже я узнала, что его звали Наум Эйтингон, и он был старшим офицером Иностранного отдела НКВД. Мы с сестрой дали согласие работать на него, поскольку его сотрудники проводили самые эффективные операции против франкистов. В 1937 году на задании погибла моя сестра, и в минуту отчаяния я согласилась на предложение Эйтингона нелегально выехать на территорию Норвегии, пройти

там обучение и продолжить борьбу с фашизмом. Вместо Норвегии я оказалась в школе НКВД под Архангельском. За три месяца, проведенными за её стенами, я не успела оценить все прелести предвоенного СССР, и в конце 1938 года меня с чистыми документами немки – дворянки из Пруссии внедрили в скандинавскую сеть. Работа была направлена на противодействие проникновению немецкого фашизма в страны Северной Европы, что вполне соответствовало моим внутренним убеждениям. Я много раз была в самой Германии, где имела контакты в самых высоких кругах немецкой знати, а через неё – и в руководстве Третьего Рейха.

На одном из приёмов я была представлена некой Марии Оршич. Вы знаете, кто это?

Матвей отрицательно покачал головой.

- Так вот, любезный мой соотечественник Матвей, Мария Оршич была одной из самых загадочных и законспирированных людей в фашистской Германии.

Статная голубоглазая блондинка с длинными, до пояса волосами, она родилась в самом конце девятнадцатого века в Австрии в семье хорвата и австрийки. Уже к своему двадцатилетию она была одной из сильнейших женщин – медиумов Австрии и Германии. Тогда она познакомилась с Адольфом Шикльгрубером, который, уже потом, под именем Адольф Гитлер, питал к ней неизменное доверие и самое трогательное расположение. Я видела, как он её держал за руку – о, у этих людей было, что вспомнить!

В Австрии Мария Оршич, являясь активисткой местного отделения немецкого националистического движения, основала общество медиумов «Врил», штаб-квартирой которого стал Мюнхен. Как вы думаете, кто был спонсором этого общества? По глазам вижу, что угадали – это были английские масоны! А в 1919

году Мария Оршич вступила в то самое общество «Туле», куда её пригласил и лично рекомендовал сам фюрер.

Она сохранила свой союз медиумов «Врил». В него входили исключительно арийки - стройные, длинноволосые и, желательное, голубоглазые, девушки с высоким уровнем интеллектуального развития. Как вы это сейчас называете – «IQ». Тогда это был, как минимум, университетский диплом.

Мария категорически выступала против коротких стрижек. Её идеалом был «Конский хвост». В общем, валькирии и амазонки. Думаю, именно от них пошёл в немецком обществе термин «белокурая бестия». Я по всем статьям подходила под эти стандарты, и мне было сделано предложение вступить в «Врил». Москва дала добро, и вскоре я стала правой рукой Марии Оршич.

Помимо сугубо оккультной деятельности, а Мария утверждала, что получает информацию непосредственно от душ рыцарей – тамплиеров, она сообщила руководству Рейха, что может получить доступ к чертежам «летающей тарелки». Это очень заинтересовало Гитлера, и Оршич были выделены лаборатория и неограниченные ресурсы. Строительство «тарелки» было начато под руководством основателя общества «Туле» Рудольфа Гесса. Того самого, что потом улетит, возможно, с чертежами тарелок, к своим кураторам в Англию...

Я передала в Москву фотографии этих чертежей, лично выполненных Марией Оршич. Об их московской судьбе я ничего не знаю, но меня просили уточнить, на каком языке сделаны надписи на чертежах. Оршич сказала мне, что это был панвавилонский язык, а эксперты из «Туле» уточнили, что этот язык использовался шумерами, давно исчезнувшим народом.

Я сообщала в Москву, что «тарелка» была построена немцами в 1943 году, получила название «Vril – 7 Jager». Первый полет во временное измерение, а именно для этого и конструировалась «тарелка», состоялся весной 1944 года. Я передала даже

фотографию вернувшегося аппарата, вся обивка которого была ободрана и потрепана, как после многолетнего путешествия.

Сударь, я ясно вижу вопрос в ваших глазах – сама Мария Оршич просто исчезла в 1945 году, перед самым падением Берлина. Я знала, что в её поместье стояла еще одна «тарелка», которая тоже исчезла...

А тогда мне запретили заниматься этой темой и вывели в западную зону Германии. Там я, без документов, как беженка из освобожденного концлагеря, попала в плен американцам, которым назвала своё настоящее имя. Меня спрашивали, не хочу ли я поехать в СССР, но я рвалась в Париж, к семье. И американцы с удовольствием меня туда отправили. В 1953 году ко мне официально явился советский представитель, который объявил, что меня, за участие в антифашистском Сопротивлении в Испании, а затем и в Европе, сразу после войны наградили орденом Боевого Красного Знамени, для получения которого желательно лично прибыть в Москву. Я тогда уже работала в правительственном архиве Франции, активно участвовала в поиске и ликвидации в этой стране коллаборационистов, сотрудничающих во время оккупации с немцами. Меня даже представили за эту работу к награде, и почётный знак вручил мне сам де Голль. Поэтому тогда я от поездки в СССР отказалась. Наверно, вы понимаете, почему.

Поехала в Москву, уже выйдя на пенсию, по истечении срока ограничения на выезд и дав соответствующую расписку в местном Сюрте.

Вот этот орден, - она протянула Матвею красную коробочку, - передайте, пожалуйста, племяннику. Французскую награду я сдала, как положено, в архив Франции. И еще – вон тот альбом. Извините, не подам с полки. Больно тяжел для меня, хотя я там оставила всего несколько фотографий всех нас. Он вправе поступать с ними так, как пожелает. Еще передайте, что те немногие деньги и ценности, которые остались у меня, я отдала отцу Сергею на нужды

милосердия. Полагаю, племяннику они не очень-то нужны. В отличие от действительно нуждающихся.

Тут Матвей впервые обратил внимание на то, что на княжне нет не только её колец, но и других украшений, бывших на ней во время вчерашней встречи – кулона и серёг.

А его дочке передайте вот эту картину, - она вручила Матвею завернутый в полупрозрачный платок небольшой прямоугольник.

- Это подлинный эскиз кисти Мане к его картине "Нана». Вдова художника, с которым мой отец дружил еще в бытность свою студентом парижской технологической школы, подарила этот эскиз моему отцу, о чем есть её личная запись на обороте. Я написала вам дарственную на него, чтобы у вас не было проблем с таможней при пересечении границы.

И, положив свою почти невесомую руку на ладонь Матвея и пристально заглянув своему московскому гостю глубоко в глаза, Мария Алексеевна как-то особенно проникновенно произнесла:

- Берегите этот ХОЛСТ, Матвей. Я знаю, он вам еще послужит.

И стала медленно убирать свою руку с ладони Матвея. Тот почувствовал, что в его ладони остаётся что-то, похожее на многократно сложенный листок тонкой бумаги. Он перевернул свою ладонь, а потом опустил её на колено, незаметно затолкнув записку под манжету рубашки и зафиксировав её ремешком часов.

Княжна, несколько раз во время своего монолога дышавшая кислородом, откинулась на спинку кресла, вздохнув с облегчением, словно выполнив до конца свой долг.

- Всё, Матвей. Я устала. Вынуждена попросить вас оставить меня. Я рассказала вам всё, что хотела. Передала прощальные подарки. Врачи, по моей просьбе, не скрывают от меня мой диагноз и дают совсем мало времени. Я всё успела. Завтра меня увезут в больницу, недалеко от нашего, русского, кладбища Сен – Женевьев – де - Буа, где найду упокоение рядом с моей семьей.

Удачи вам, Матвей! В больнице меня не навещайте. Хочу, чтобы запомнили меня такой. Землю, что вы привезли, передайте отцу Сергею. Через пару дней к нему зайдете. Он вам и храм наш покажет, этот памятник всем русским, лишённым Родины...

В лифте, делая вид, что поправляет шнурок на ботинке, Матвей переложил записку княжны за носок, справедливо полагая, что в случае чего, туда полезут в последнюю очередь. Медленно бредя к своему отелю по уже совсем вечернему городу, красиво освещенному кованными фонарями и размышляя о судьбе этой необыкновенной женщины, с которой столкнула его жизнь, Матвей с удивлением не обнаружил за собой слезки. Это могло означать только две вещи – либо ты потерял нюх и тупо её не видишь, либо она ведётся настолько изощренно, что это уже сигнальчик. Сигнальчик чего-то крупного и не очень приятного. Два – три нехитрых приема, и Матвей почти убедился в том, что за ним никто не следит. И тут он вдруг остро ощутил два желания. Первое – прочитать тайное послание княжны. Второе – поесть. И третье, совсем крохотное, тонко пульсирующее на уровне височной косточки – выпить пару глотков чего-нибудь ирландского.

Мой пытливый читатель! Где бы ты достал и стал читать тайную записку, не опасаясь, что тебя «спалют» или не дай Бог, прочитают вместе с тобой тайное содержание? Да и уничтожить записку, в крайнем случае, тоже надо быстро и эффективно.

Правильно, в туалетной кабинке ресторана. Кабинка должна быть светлой, гигиеничной и гарантировать отсутствие нетерпеливой очереди.

Практически без колебания Матвей направился к ярко освещенному входу в ресторан «Чего-то там Гран.. де..»

Попытка какой-то скользнувшей из тени к Матвею женской тени пригласить его «в библиотеку» была решительным образом пресечена, и вот уже величественный швейцар широко распахнул перед ним стеклянно-деревянную дверь. Зная по опыту, что

столики в таких ресторанах бронируются заранее, Матвей сразу подошел к мэтру и предупредил об отсутствии предварительного заказа. Вежливо поинтересовался, сумеет ли составить на полузабытом французском:

- Если шансов дождаться свободного столика на одного мало, готов довольствоваться баром.

Мэтр был великодушен:

- Двадцать минут!

Во Франции это могло означать от получаса до полнового часа, но Матвей мило улыбнулся и прошел в холл. На диванах он был один, света было достаточно, камер слежения за ним поставить бы не успели. Да чёрт с ним, с туалетом! Не больно-то пока и хотелось...

Удобно расположившись на диване, Матвей «проверил шнурок», аккуратно разместил незаметно расправленную записку в большой карте ресторанного меню и углубился в чтение, не забывая следить третьим и иными глазами за обстановкой.

На убористо исписанном листке тонкой, почти папиросной бумаги было написано следующее.

«Досье с документами по моей просьбе Минг вчера отдала «завербовавшим» её представителям Сюрте. Якобы нашла у меня в матрасе. Сами документы она скопировала на диск, который вам передаст отец Серж в храме. Документы, возможно, устарели, но могут показаться вам полезными. На всякий случай их перечень – позиция де Голля по обмену долларов на золото, совместные с Великобританией планы бомбежек России, позиция де Голля по выходу из НАТО, документы о пропаже нескольких грузовиков с документацией НАТО во время их перевозки из Франции в Германию, секретные договоренности нескольких правительств Франции с мировыми банками и США по поводу России.

Берегите холст! Прощайте...»

Запомнив содержание почти дословно, Матвей гордо прошествовал, наконец, в туалетную комнату, где торжественно спустил мелко порванный листок в парижскую канализацию.

Вернувшись к месту ожидания, он с удивлением увидел подошедшего к нему мэтра.

- Уже выбрали? – мэтр кивнул на раскрытое меню, - Вовремя. Столик ждёт вас.

Никогда еще слабо прожаренное мясо со спаржей не казались Матвею такими вкусными! Медленно жуя кулинарные изыски, запивая их мелкими глотками прекрасного лангедокского вина, Матвей не переставал думать о храброй русской княжне, до последнего оставшейся верной долгу патриота. Как она держалась! Знала о слежке за собой, но сумела выполнить свое последнее задание, задание долга. Привлекла к сотрудничеству вьетнамскую медсестру, которая, передачей «найденного досье» княжны сняла наблюдение с квартиры и самого Матвея. Мария Алексеевна сумела уговорить священника спрятать улику. А как профессионально передала записку самому Матвею!

Что значит школа!

Ну что же, завтра, а, пожалуй, и послезавтра, у него свободное время.

Пергамент

Уже подходя к двери гостиничного номера, Матвей ухватил, наконец, мысль, из глубин подсознания не дававшую ему покоя весь вечер. «Почему Мария Алексеевна так навязчиво внушала ему мысль о необходимости беречь холст. Говорила, что он может МНЕ пригодиться... Эскиз ведь передан дочери шефа. Что-то здесь не так!»

Уже в номере, удобно расположившись в кресле у туалетного столика, Матвей внимательно осмотрел переданный ему эскиз. Картинка, как картинка. Художник прорисовывал часть одеяния натурщицы, пытаясь передать воздушность и прозрачность одеяния девушки. И это ему удалось! Bravo, Эдуард Мане! Матвей дал себе слова посмотреть в Сети самую картину «Нана» и прочитать историю её создания. Может, именно там скрыт секрет слов княжны.

Холст... Холст виден на изнанке картины и по её краям, закреплённым на подрамнике... Матвей внимательно изучил ткань изнанки, где четкими, почти печатными буквами была сделана надпись по-французки – «Алексису – на память о нашем Эдуарде». По словам княжны, эту надпись сделала вдова художника, подарившая эскиз Алексею Добужинскому. Оставим в покое каллиграфическую, почти мужскую руку писавшего. Но даже невооруженным глазом видна разница рогожи, на которой сделана надпись, и краёв холста, на котором написан эскиз.

Перенеся кресло от столика под стоящий в углу торшер (подальше от греха и той камеры, которая могла быть установлена над рабочим столиком), Матвей достал неизменно сопровождающий его во всех поездках походный ножик, известный во всем мире своим красным цветом и маленьким белым крестиком. Ни разу не точившийся и ни разу не подводивший его нож без труда помог отогнуть державшие холст картинки гвоздики – скобки. Так и есть, с обратной стороны к холсту был прикреплен чуть меньший по размеру пергамент, с неизвестными Матвею письменами. На самом холсте с обратной стороны действительно была сделана надпись изящным почерком - «Алексису на память о его студенческом друге Эдуарде». Пергамент плотно прилегал к холсту эскиза, а с оборотной стороны был закреплен таким же куском рогожи, на котором кто-то сделал уже повторную надпись. То есть, пергамент явно был кем-то

довольно искусно спрятан. Матвей даже не стал гадать, кем именно.

«Серж! Брат княжны Сергей Алексеевич Добужинский! Историк, археолог, исследователь культов! Экспедиции, интерес гестапо, а, следовательно, фашистского оккультного общества Аненербе к его работе! Таинственная смерть в Северной Африке! Но почему именно мне Мария Алексеевна передала эту тайну? Что я ей сделал?»

А с другой стороны – кому еще?»

Убедившись, что самостоятельно ему не закрепить на прежнее место холст Мане, Матвей перефотографировал пергамент, отправив фото на свою домашнюю почту. Фальшивую изнанку холста с продублированной надписью и сам пергамент, который мог стать серьезной уликой против него на таможне, он благополучно сжег.

«Теперь я понимаю, для чего в номерах отелей, даже для некурящих, лежат сувенирные спички!» - успел подумать Матвей, выбросив пепел в унитаз, и решительно открывая затем холодильник мини-бара.

Утром он проснулся рано, по московскому времени, позавтракал за уличным столиком, наслаждаясь утренней прохладой и нежными солнечными лучами. Затем, не торопясь прошел мимо величественного здания оперы, колоннада фасада которого еще не была испорчена очередью туристов. Поднявшись по улице вверх, вышел к бульвару, на другой стороне которого было невзрачное днём, без сумасшедшей вечерне-ночной подсветки, серенькое зданье «Красной мельницы». Разгульно-известное «Мулен Руж», французский канкан которого, воспетый полотнами талантливого карлика, и по совместительству – графа, Тулуза Лотрека, прекрасно освоили в наше время танцовщицы Африки и Украины.

А не зайти ли сюда вечером, чисто из уважения к Лотреку?

Но скорбная надпись над окошечком кассы гласила, что на ближайшие две недели все столики в кабаре забронированы. Рядом висел другой листок, гласивший - «Но, если очень хотите попасть, – звоните нам!». Далее были указаны номера телефонов.

«Ничего святого!» - вздохнул Матвей, которому в силу прямолинейности всех мозговых извилин, даже в голову не пришло покупать место за столиком, с видом на раскрашенных и визжащих девчонок, у французских перекупщиков. Недалеко были не менее известные «Фоли Берже» и «Крейзи Хорс», но уже как-то расхотелось.

Только начинали работать автотрамвайчики, возящие туристов на холм Монмартр, излюбленное место для «туристических» художников и сувенирщиков. В вагончике Матвей ехал один, если не считать совсем не выпавшую парочку, клевавшую, прижавшись друг к другу, носами, вместо того, чтобы любоваться видами Парижа, да и самого Монмартра, культовом ареале давнишнего, да и нынешнего, проживания совсем еще нищей художественной богемы. На вершине холма, в улочках вокруг собора и смотровой площадки, художники и продавцы сувениров только выставляли свои лотки, пространство вокруг которых уже через пару часов зальёт плотная толпа туристов. Матвей быстро нашел подходящего бородатого «типичного парижского художника» в черной вельветовой блузе и таком же берете, который давал своему помощнику дельные советы по установке прилавка.

- Куда ставишь, шлимазл! Где тебе руки делали? Этот гвоздик воткни себе в ... спину. Опять упадет стенд, вычту из жалованья. Что значит, какого жалования? Того самого, шо, надрываясь, как индийский слон, плачу тебе я!

Матвей подошел к мэтру и тихо, по-русски, спросил.

- Это вы – самый известный русский художник на Монмартре? Хочу сделать заказ. Можем куда-то зайти, чтобы нас не затоптали?

В кладовке, заваленной сувенирными картинками, мольбертами, палитрами и тюбиками с краской, Матвей достал из пакета рамку, подрамник и холст великого Мане.

- Вот, упал шедевр со стены и сломался. Можно починить?

Увидев, как скривился «мэтр», добавил.

- Еще куплю две картинки такого же размера, чтобы, типа, парижский триптих на стене дома повесить. За них и за починку моей картины, если сделаешь при мне – сто евро.

- Сто двадцать и зайди через час.

- Сто и делаешь при мне, - в голосе Матвея прозвучала такая сталь, что «мэтр» поёжился, словно увидел призрака из прошлого.

- Дакор, в смысле – уговорил... За картинку боишься? Да ей цена – один евро.

- Это – подлинник Мане, - не удержался от похвальбы Матвей.

- Да иди ... вы! Я таких Маней за час с десяток намалюю!

- Время пошло! – Матвей демонстративно посмотрел на часы.

Художник очень ловко натянул холст на подрамник, хотел, было, вставить их в прежнюю старинную рамку, но Матвей остановил его.

- Подбери мне пару картинок тоже маслом такого же размера. И чтобы были в одинаковых рамках. На эту такую же наденешь. На стене должны ровно смотреться.

Через 5 минут картинка были готовы. Получив свои сто евро, «парижский художник» лукаво взглянул на Матвея.

- Мане, говоришь? Будет Тициан или Шишкин, тоже заходи. Придадим товарный вид!

Строго и молча посмотрел на него Матвей. Выходя из каморки, протянул художнику старинную рамку от холста Мане.

- Это тебе. Бонус. Смотри, чтобы последнюю фотографию твою туда не вставили.

И возразить художнику было нечего. Да и не хотелось.

На том же трамвайчике Матвей вернулся на бульвар. Сонной парочки голубков он не увидел, как, впрочем, и других подозрительных личностей. Погулял по городу и обломал несколько типично европейских разводов – «Не поможете, я заблудился. У меня сломался мой Бентли, а я – представитель модного дома «...ди»! У меня как раз с собой несколько экземпляров новой коллекции. Могу продать совсем дешево, поскольку срочно нужны наличные на ремонт машины. Куда пошёл? Я – козёл?!!»

День прошел, как у обычного туриста. Даже удивительно стало, что можно так жить – спокойно, без «сверхзадач» Станиславского, ходить по иноземному городу простым туристом, наслаждаться видами. Правда, и Матвей это уже давно понял, есть здесь другой риск – «дежавю», то есть – «я это уже где-то и когда-то видел, и дома такие, и улицы, и соборы, и музеи. И даже картины этого художника, или даже эти же, уже видел». И пропадает чувство новизны, без которого неинтересно уже куда-то ездить. Если нет адреналина, который тебя подхватывает, несёт, а потом еще с полгода, до следующей поездки, заставляет острее воспринимать действительность, нет и смысла в этих разъездах – перелётах – чужих постелях и ресторанной кормёжке. Японцы, а за ними и остальные азиаты, придумали альтернативу чисто спортивному адреналину – они носят список мест, которые должны посетить и обязательно отметить – фото + сувенир. При этом слушать гида не обязательно. Можно ведь потом в помоечной Сети посмотреть! Отсюда и их отношение к своим детям в путешествии. Не наше – «Стой тихо! Слушай тётю, она интересно рассказывает. Вечером спрошу. А потом бабушке

расскажешь». Иностранцы на экскурсиях позволяют детям делать всё – бегать, орать. Боятся только одного – штрафов за разбитый экспонат.

Так бы и «приласкал» иной раз этих бесноватых неслухов, в сущности, виноватых лишь в том, что у них совершенно бескультурные родители. То же и с нашей страной хотят сделать, и почти уже сделали.

«УплОчено! Не мешай детю!»

Матвей не ел с утра, не позволил себе расслабиться чем-то игристо-французским, и его потянуло на привычное, как говорила его дочь, «занудно-стариковское брюзжание».

Вечером, по старой привычке, был проанализирован прошедший день, всё и все увиденные и услышанные, намечен план на завтра.

Ночью ему приснилась Мария Алексеевна Добужинская, словно уходящая от него в туман. Она молчала, но Матвей отчетливо слышал её голос.

- Прощайте. Помните про холст. Сергей тоже хотел бы этого!

Утром, на такси, Матвей направился к храму Александра Невского. Служитель у входа сообщил, что отца Сергея в храме нет, и появится он к вечерней службе. И поговорить с ним можно будет только после этого.

Весь день Матвей пробродил по городу как в тумане, долго сидел в скверах на лавочках, несколько раз заходил в кафе. Он сам не ожидал, что его так затронет эта женщина, с её необыкновенной судьбой и столь же необыкновенным завещанием. Снова и снова он прокручивал в голове рассказы княжны о её предках, семье и своей судьбе, пока эта информация не стала его собственной историей. Расскажет ли он её когда-нибудь, неизвестно, но то, что не забудет, это

точно. Он даже решил записать её потом, в Москве, ибо знал закон постепенно теряющей мелочи памяти.

Повторно Матвей приехал к храму еще во время службы и, не рискуя зайти внутрь, стал ждать на скамейке напротив храма. Около 9 часов вечера, из храма стали выходить редкие прихожане. Потом появился и сам отец Сергей, на этот раз в одной рясе, без пиджака. Увидел Матвея, он сам подошел к нему и присел на скамейку.

- Мария Алексеевна ушла из жизни вчера вечером, успев причаститься святых даров. Попросила у Бога и всех нас прощения, и улетела, душа безгрешная... Кремировали её после вскрытия тела уже сегодня утром, без церковной и гражданской церемонии. Так она сама распорядилась.

Сегодня у нас большая приборка храма, придут много прихожан, будем работать всю ночь. Завтра с утра, часам к десяти подходите. Вы ведь привезли землю для погребения с прахом? Мне Мария Алексеевна рассказывала. Завтра и передадите мне. За одним, я вам и храм покажу.

А завтра вечером планирую поместить урну с её прахом в фамильный склеп. Кроме кладбищенского сторожа, чьё присутствие обязательно, поскольку только у него есть ключи от склепа, присутствие иных лиц там, по воле усопшей, не планируется. И вам, Матвей, приходить не надо.

До завтра. Мне надо побыть одному. Извините.

Подавать на прощание руку Матвей не стал, ибо не знал, как положено прощаться с духовными лицами. Но, поднявшись со скамьи, успел заметить, что отец Сергей осенил его крестным знаменем. Ну что же. Помощь, тем более божья, завтра точно не помешает.

Операция «Диск»

По пути в гостиницу, а Матвей прошел его пешком, он несколько раз заходил в маленькие кафешки, причем в те, где не было выносных столиков. Он заходил внутрь, заказывал то кофе, то бокал вина. Во втором из кафе, в полутемном коридоре на пути в туалетную комнату, он сумел быстро и незаметно засунуть за висевшую на стене картинку с изображением галльского петушка салфетку, на которой до этого, за столиком, успел написать пару слов.

Утром, за несколько минут до назначенного часа, Матвей снова сидел на скамейке перед храмом. Он видел, как из церкви выходили пожилые благообразные люди, многие в рабочих халатах, с хозяйственными ведрами и сумками в руках. Выходя на паперть, они останавливались, оборачивались, осеняли себя крестом, и расходились по своим, годами выверенным, делам. Дождавшись, когда за очередной прихожанкой несколько минут никто не выходил, Матвей вошел в храм.

Привычный для такого места аромат ладана и восковых свечей перебивался запахом хлора и каких-то иных химикатов, в состав которых добавили цветочных отдушек. Перед иконостасом, у лежавшей на специальном аналое иконы Св. Александра Невского молился отец Сергей. Подождав, когда священник положит последний за молитву поклон и отойдет от иконы, Матвей сделал шаг ему навстречу.

- Утро доброе, отец!

- Не знаю, насколько оно доброе, но утром ко мне в храм заходила Минг, милейшая медсестра, до последнего опекавшая Марию Алексеевну, царство ей небесное. Рыдая, она рассказала, что вчера, сразу после того, как наша княгинюшка испустила последний дух, к ней в сестринскую буквально вломились её «опекуны» из местной безопасности

и учинили форменный допрос о последних днях жизни Марии Алексеевны. Что делала? С кем общалась? Кто приходил? Какие давала поручения? Их интересовала каждая мелочь. У Минг, по её словам, случился нервный срыв.

Я её понимаю. Меня самого, в тот раз, когда мы с вами встретились в парадном дома Марии Алексеевны, внизу на улице грубо остановили два явных шпики и, предъявив какие-то удостоверения, устроили допрос, задавая те же вопросы, что и Минг. А потом заставили предъявить все украшения, которые княжна передала мне на нужды храма, и общупали каждую вещь. Хорошо, всё вернули! Но осадок остался.

Вы, наверное, не знаете, но французские колониальные войска еще во время первой вьетнамской войны, уничтожили деревню, в которой жила вся семья Минг. Они расстреляли из пулеметов и сожгли огнемётами все дома и всех жителей. Минг уцелела, потому, что была на учебе в монастыре сестер во Христе, где получала специальность медицинской сиделки. Потом она уехала в Европу, где окончила колледж и получила диплом специалиста по компьютерам. Во Франции она не смогла устроиться по этой специальности из-за жестких требований к иностранцам. Поэтому ей пришлось «вспомнить» свою специальность медсестры, и Бог сподобил её повстречать нашу Марию Алексеевну, земля ей пухом...

Да, кстати, вы землю родную, московскую, привезли?

- Да, вот она, - Матвей протянул отцу Сергею пакет с мешочком земли, - так что там с Минг произошло?

- Извините, отвлекся. Минг – католичка, но христианам можно молиться в любом христианском храме, и она привозила сюда княжну, молилась с ней, часто беседовала со мной. Только исповедоваться не могла, но рассказала, что после смерти родных её буквально душит гнев и ненависть к колонизаторам и тем французам, которые совершили то,

ничем не оправданное, злодеяние. И вот, когда к ней ворвались с допросом представители французской безопасности, она, в сердцах, и выложила им всё о своих чувствах к ним и самой Франции.

И вот вчера же вечером ей пришло официальное письмо иммиграционной службы, в котором наша Минг извещалась о том, что находится во Франции на незаконных основаниях и подлежит немедленной депортации на родину. Завтра вечером её вывозят в Марсель, откуда, в группе других нелегальных азиатских иммигрантов, на корабле вывезут домой.

Она принесла мне кольцо, которое подарила ей перед смертью Мария Алексеевна, поскольку боится обысков. У меня она также хранила свои небольшие сбережения, которые, вместе с кольцом, я передам ей завтра утром.

Матвей тут же полез в карман и достал тот конверт, в котором ему в своё время передали наличные на поездку от его шефа. Он их не трогал, расплачиваясь картой, и сейчас протянул эту весьма солидную сумму отцу Сергею.

- Возьмите, отец. Для Минг. Эти деньги родственники Марии Алексеевны передавали со мной на оплату ухода за ней. Вот и пригодились.

- Бог спасёт, Матвей. Ну пойдёмте, осмотрим храм!

Отец Сергей увлек Матвея в глубину церкви, став увлеченно рассказывать о её архитектуре, акустике, дарах прихожан в виде икон, церковной утвари и убранства, но увидев, что Матвею явно не до всего этого, просто направил того в один из пределов. Там он, сдвинув какой-то элемент церковного украшения, достал компьютерный диск и вручил его Матвею.

- Вот, Мария Алексеевна просила передать вам это. Теперь я выполнил её последнюю волю!

- Сергей Николаевич, мы можем выйти не через центральный вход?

- Давно меня никто не называл по имени – отчеству... А выйти можем через ризницу и заднюю дверь в парк, на старое кладбище. Оттуда есть калитка на соседнюю улицу, - четко, сразу утратив свою священническую степенность, сказал отец Сергей.

Так и сделали. Выйдя в парк и пройдя по едва заметной тропке между разросшимися деревьями и старыми могильными надгробьями, священник довел Матвея до малоприметной калитки в каменной стене, открыв которую ключом, вывел Матвея на небольшую улочку.

Через некоторое время, поплутав по улочкам и убедившись в отсутствии за собой любопытных, Матвей увидел, наконец, стоящую у обочины машину с дипломатическими номерами посольства Российской Федерации. Заднее стекло автомобиля со стороны тротуара было приоткрыто ровно настолько, чтобы Матвей мог незаметно бросить туда компакт-диск. Дип-мобиль сразу тронулся с места, а довольный и счастливый «без-уликовый» Матвей зашагал к ближайшему бару.

Вот сейчас было хорошо! Можно было снова спокойно дышать и наслаждаться видами чудесного Парижа! Но уже хотелось домой, тем более, что недремлющий внутренний голос настойчиво подсказывал, что приключения не окончены.

Билет был забронирован на следующий день. Последний (или крайний?) ужин в Париже был прост, но изыскан. Сувениров из дивного города, равно как и магнитиков на холодильник, куплено не было. Перед отъездом Матвей

известил семью, что едет на несколько дней в Армавир. (Южный город был выбран, чтобы оправдать возможный загар).

В этой ситуации ненароком засвеченная тарелочка, либо иная вещица с лейблом «Paris» могли означать серьезное нагнетание обстановки в семье. Что намного хуже международного конфликта или всемирного потопа...

Даже если номер и был вновь обыскан, это уже не имело никакого значения. Мане в скромной рамке в ряду двух своих монмартровских братьев тихо лежал поверх носильных вещей в чемодане, паспорт, деньги и билет сохраняли нетронутый вид в сейфе номера.

Мини – бар, никакого телевидения с его платными каналами и спать.

Утром – расчет у портье, чаевые швейцару, такси, аэропорт Орли.

«Прощай, Париж! Увижу ль вновь,
Твоих из Африки орлов...»

Московское перепутье

Москва встретила стройками и пробками, которых так не хватало в Париже. Тьфу, на лирику потянуло. Так и до прозы докатиться можно!

На рынке были куплены «армавирский» арбуз и «армавирские» же абрикосы. Хорошо бы в настоящем Армавире они росли! Но всё, как говорила дочь, «прокатило»,

и опять семья поверила в легенду четырехдневного отсутствия любимого отца и мужа. Главное – вернулся! Живой....

Фотография пергамента благополучно пришла на почту, была сделана более контрастной и отпечатана. Остался вопрос – а кто переведёт? Память услужливо подсказала имя известного знатока религии, всевозможных культов и просто замечательно человека – Аполлинария Инокентьевича Мусина – Залесского, с которым судьба сводила их совсем недавно и при таких обстоятельствах, что профессор должен был помнить Матвея.

Звонок по телефону – хорошо, что опять можно пользоваться мобильным телефоном, слишком уж открытым для чужих ушей за границей! Внучка профессора (её голос прочно ассоциировался у Матвея со вкусом свежее испеченных булочек, которыми она его угощала), узнав звонившего, сообщила что «дедушка здоров и бодр», и будет рад видеть Матвея на следующий день после 16-00 часов. Матвея удивила такая военная точность в устах примерной старообрядки, но девушка пояснила, что в три часа у профессора обычно заканчивается заседание его кафедры в институте культуры, а к четырём его привозит домой служебная машины.

- Водитель до половины пятого должен вернуться в институт за ректором, которого он постоянно возит, и, не дай Бог, если он опоздает...

Ну хоть кто-то в нашей жизни следит за порядком. На следующий день, в 16-15 Матвей сидел в знакомой комнате, за знакомым столом, вдыхая знакомый запах выпекаемых булочек. После краткой, но содержательной беседы о судьбе Русской православной церкви за рубежом, о которой Матвей был вынужден заговорить, чтобы затем плавно перейти к

цели своего визита, он, наконец, прервал увлекшегося профессора.

- Аполлинарий Инокентьевич, вы ведь владеете многими языками?

- Ну, да, - сказал удивленный таким поворотом темы в столь увлекательной для него теме зарубежного православия профессор, - я знаю старославянский, старорусский, церковный, латынь. Читаю арамейский, понимаю шумерские тексты. Из современных знаю английский, итальянский, французский, немецкий. Понимаю польский, чешский...

- А вот этот язык знаете? – Максим показал копию пергамента.

Профессор недолго изучал текст, затем позвал внуку

- Маша, взгляни, на каком языке текст.

- Маня получает второе образование в институте восточных языков при МГУ. А по первому диплому – она историк, - пояснил профессор Матвею.

Раскрасневшаяся у плиты Маша, в обычной своей домотканой юбке в пол и с убранными под простой домашний платочек волосами, на которую Матвей посмотрел теперь уже с явным уважением, взяла в руки текст, перевернула его и с уверенностью сказала.

- Очень похоже на тибетский, причем старый вариант языка. Но я прочитать не могу. У нас есть профессор – буддист, Дордже Бадмаев. Если с отчеством, то Дордже Эрденович. Но даже его студенты не могут это сразу запомнить, и он просит называть себя Дмитрием Ивановичем. Прочитать у нас может только он. Но Бадмаев сейчас в экспедиции на Алтае, потом будет читать лекции в Новосибирском университете.

И я вам не советую обращаться в буддийский центр, либо к тем ламам, которых стало много в Москве в преддверии строительства еще нескольких буддийских храмов, например, в Отрадном или на Поклонной горе. По отзывам наших студентов знаю, что в подавляющем большинстве – они малограмотные люди, объявившие себя ламами из корыстных побуждений.

А поскольку могу предположить, что в этом тексте содержатся сведения точно не для посторонних глаз, - девушка Маша пытливо посмотрела на Матвея взглядом явно не простушки, - то советую обратиться только к профессору Бадмаеву. Либо лететь в Бурятию, в один из центральных дацанов, где должны быть знатоки и текстов, и истории, и реалий. Но их не я, ни мой дедушка не знаем, и мы не можем дать вам рекомендацию, которую, в том числе, мог бы дать вам тот же Бадмаев.

Вам ведь, наверняка, нужно нечто, связанное и с историей, и с действительностью? – она снова пытливо взглянула на Матвея.

Тот не мог не отдать должное уму и проницательности внучки профессора. Как бывает обманчиво первое впечатление!

Поклонившись наклоном головы дедушке и Матвею, Маша ушла на кухню. Судя по блестящим глазам профессора, он получил истинное удовольствие от прошедшей на его глазах беседы. Задорно взглянув на своего гостя, словно говоря – Ну как тебе моя внучка? Нет, ну какова?! – профессор сдержал словесный восторг.

- Советую прислушаться к словам девочки. Умище у неё, дай Бог зрелому мужику! Даже меня, пенька от учености замшелого, иной раз жизни учит. И ведь права! Почти всегда права!

- Профессор, а что, по-вашему, есть рай? И, следом, второй вопрос – что есть ад? Чего нам, грешным, надо бояться? И куда стремиться? Зачем нам все эти страшилки и сладкие посулы? Они ведь остались единственным, что держит человека, а в особенности, христианина, в рамках приличия, не даёт ему до конца распуститься вслед своим скотским желанием...

- Матвей, не перестаю удивляться скорости, с которой вы меняете тему беседы. Вы так быстро думаете, или хотите застать собеседника врасплох? – профессор аж заерзал на стуле.

- Мыслительный аппарат у меня так устроен, наверно. Ну так как?

- Матвей, вы знаете, что в православии есть только два варианта для душ усопших – либо рай, либо ад. Вечное блаженство, либо вечное мучение. И так до Страшного суда, когда Господь все устроит по завету своему. У западных христиан, католиков и протестантов, есть еще чистилище, где души, изначально попавшие в ад, очищаются страданием и покаянием, а потом переходят в рай. И тоже до Страшного суда.

Я тоже много думал об этом, еще в молодости. И придумал для собственного понимания такую примитивную модель. Души усопших, эти бестелесные сгустки энергии, вобравшие в себя все знания, эмоции и чувства живших, переходят по завершении земной юдоли либо в рай, либо в ад. В раю, этом безмятежном безграничном пространстве, души имеют возможность найти своих близких, общаться с ними, помогать оставшимся в земной юдоли. Каким образом? В душах есть запас знаний, умений, понимания житейских ситуаций. Помимо того, что эта практическая составляющая душ человеческих объединяется Всевышним в единое научно-

техническое пространство, которое может быть использовано в интересах всего человечества, часть этих знаний может быть передана отдельным представителям живущих. И делать это могут как отдельные души, так и, по воле Божьей, из так называемого «общего котла». Это и есть так называемые ангелы – хранители, внезапные озарения, предчувствия, «руки Судьбы».

В аду же многожды нагрешившие и истинно не покаявшиеся будут страдать, а души сохраняют это бремя страдания и ощущения своей муки, до самого Страшного суда.

Еще раз повторяю, что данную модель я придумал для себя. Обсуждать её не хочу, и передавать её дальше, со ссылкой на меня, не рекомендую. Как Бруно – откажусь на костре общецерковного порицания.

Что еще хотел узнать, мой любознательный друг?

- Профессор, вы сказали, что ваша внучка ПОЧТИ всегда права. Это оговорка или применительно к показанному мною тексту есть какие-то варианты?

- Ну, Матвей, ну иезуит. Не хотел бы выступать на каком-либо диспуте вашим оппонентом. Но здесь вы правильно поймали меня. Это – не оговорка. Применительно к тексту у меня есть к вам предложение, которое я хотел бы представить вам по окончании нашей встречи, когда Маша уйдет к себе домой. Но раз вы сами начали...

У нас при одной из старообрядческих церквей живет старец Михей. Сколько ему лет – он и сам не помнит, но жить начал еще при царях. Он много странствовал, ища своё место в жизни. Обошел всю Русь, был в других странах. Был он в том числе и на Тибете, задолго до того, как Китай захватил этот горный край и закрыл его для иностранцев. Был даже послушником в монастырях Непала и нашей Бурятии, где искал смысл земного бытия и небесное просветление. Но

вернулся к истокам нашей традиционной церкви, ибо только она...

- Профессор, ну совсем нет времени.

- Понял. Опять заносит, вернее, уносит к воспарению...

Вам нужно с ним поговорить и показать ему текст. Он – старец многомудрый и зело ученый. Даже со мною осмеливается спорить. И не всегда неправ! И в корысти его не заподозришь – у порога вечности стоит.

Старец Михей

Получив адрес и рекомендацию профессора, а также узелок сдобы от Маши, конечно, слышавшей их разговор о старце и одобрившей идею обратиться к нему, утром следующего дня Матвей зашел в указанный ему тихий дворик при церквушке одного из старых московских кладбищ. Спиной к нему, высокий костистый мужчина с седой бородой и седыми волосами, торчащими из-под скуфейки, колот дрова. Движения его были выверенными и точными, колот он мощно, не сбиваясь с ритма. Матвей залюбовался его работой. Жалко было даже отрывать, но больше никого вокруг не было, чтобы узнать желаемое.

- Добрый день, уважаемый. Бог вам в помощь! Не подскажите, как найти старца Михея? – попытался установить контакт Матвей.

- А на кой он тебе? – не поворачиваясь и не прекращая работы, ответил рубщик.

- Да вот привет просил передать Аполлинарий Инокентьевич, а внучка его – Маша – плюшек ему передала.

-Ну, привет от старого пустозвона мне не интересен, а внучку его люблю! Плюшки как раз к трапезе. Пойдем,

поснедаем... - рубщик с силой воткнул топор в колоду и повернулся к Матвею. Сильно морщинистое лицо, из которого пучками росли борода и другие волосы. Глубоко посаженные, непонятного цвета глаза за дужками очков. Большой мясистый красный нос. Колоритная личность. Возраст определить было невозможно, но на человека, стоящего на краю вечности, старец не походил.

В тесной комнатухе, убранство которой составляли грубо сколоченные топчан, два табурета, стол и несколько полок с книгами было тихо и темно. Крохотное оконце не давало достаточно света, а лампада перед темной иконой в углу лишь подчеркивала аскетизм кельи.

- Садись. Сейчас кипяток принесу, чаёк заварим, Машиных булок поедим.

Михей вышел в коридор, вернулся с чайником. Входя в комнату, нашарил выключатель, и келья озарилась «лампочкой Ильича», никогда не знавшей абажура.

- Ну вот! А то темно, как в преисподней. Давай, говори, зачем пришел к старцу. Словесами не елозь, саму суть давай. Учти – ко мне по ерунде не ходят. Выгоню, - сурово «вразумлял» Матвея старец, заваривая в чайнике чай, доставая чашки, сахар и блюдце, в которое вывалил принесенную от Маши сдобу.

Матвей молча положил перед старцем копию пергамента.

- Поможете прочесть?

Поменяв очки, Михей долго вглядывался в текст, шевеля губами.

- Где взял? Где сам свиток?

- Получил в наследство от умершего. В другой стране. Свиток не вывез бы, боялся утратить. Потому сжег. Не знаю, что это, но нутром чувствую, что должен узнать и выполнить последнюю волю умершего.

- Правильно твоё нутро говорит. Это похоже на завещание, а его выполнить надо. Я не сильно в этих знаках разбираюсь, хоть год жил в дацане, это монастырь бурят, что Будде поклоняются. Учили меня, но много стёрлось в памяти. Вижу, что первые строки – это обращение к ламе, главе Иволгинского дацана, главного буддийского центра в России. Там сейчас и обретенное нетленное тело Хамбо – ламы Итигэлова пребывает.

Еще разобрал слова - «просьба», «передай», «опасность». Больше ничего не понял, милый человек. Одно тебе скажу – ехать тебе туда надо. Я-то в другом дацане был, иволгинских порядков не знаю. Но ламы буддийские – они добрые, с любым человеком поговорят, ласковым словом помогут. Да и последнее отдадут. Не то, что наши нынешние служители православные, прости Господи. Сами – в золоте, на устах – яд, в сердце – скверна!

Езжай, милый человек, езжай! Сердцем чувствую – надо это делать, надо!

Выйдя из кельи старца, Матвей встретил двух пожилых женщин.

- Вы от старца? Как он? В духе ли? Не прогневан? А то уж больно суров, когда его кто прогневает. Вам-то по делу насоветовал? На путь наставил? Слушайте его, праведник он и вещий, всё сердцем чувствует! Дай ему Бог подольше с нами, грешными, побыть, на путь истинный нас наставить.

Долго, ворочаясь, не мог уснуть в эту ночь Матвей. И так и эдак рассматривал он ситуацию с разных углов зрения, выслушивая от себя самого противоречивые мнения. От

простого – «А оно тебе надо? Не знаешь, куда, зачем, что оно такое? А о семье подумал? В Богом забытую Бурятию, в какой-то дацан? Там у тебя даже знакомых нет. Полная terra Incognita...

Потом явились образы Марии Алексеевны Добужинской, отца Сергея Оболенского, бедной вьетнамской медсестры Минг. Все эти люди словно просили продолжить расследование, довести дело до конца.

Именно этот довод – довести дело до конца и стал решающим в спорах Матвея с самим собой.

Вот объяснить это семье... Вот задача!

Прощай, мой шеф, прощай!

На работе Матвей появился через пару дней после возвращения из Парижа. Зашел без предварительного предупреждения к шефу, проигнорировав устрашающий писк его секретаря. Правда, увидев грозного Матвея в джинсах и спортивной куртке, шеф сразу прекратил разговор по телефону, изобразив полное внимание. Не сев за стол, Матвей передал шефу картинку.

- Это – эскиз Эдуарда Мане к картине «Нана». На обороте дарственная надпись вдовы художника твоему прадеду Алексею Добужинскому. Прощальный дар Марии Алексеевны твоей дочери. Если твоя дочь потом захочет, сама, я расскажу ей подробную историю её предков. Только ей. Это – завещание Марии Алексеевны. Она сама упокоена в фамильном склепе с родной, московской, землёй. Тебе велено передать, что все оставшиеся у неё сбережения и драгоценности она передала настоятелю православного

храма в Париже отцу Сергею Оболенскому на нужды действительно сирых и больных. Тебе – вот её орден Боевого Красного знамени и семейный альбом с разрешением делать с ними всё, что тебе угодно.

Да, последнее – вот моё заявление об уходе.

Прощай.

И ведь его теперь уже бывший работодатель даже не сделал попытки привстать в кресле, протянуть на прощанье руку, не говоря уже о попытке отговорить от увольнения.

Как говорит работающий в садовом кооперативе Матвея гастарбайтер – «хозяев надо менять не реже, чем раз в три года. Хужеют и наглеют!» Наверно, он прав.

Работодатель – не Родина, которой присягают один раз и на всю жизнь.

Еще не до конца осознавшие масштаб катастрофы, секретари –помощницы продолжали щебетать о своем, глобальном. Из кабинета Матвей не стал ничего забирать, благо в сейфе он никогда не держал ничего тайного, кроме бутылки «Джемесона», а стоявшие на полках и висевшие на стенах «ценные» подарки, были подарками его должности, а не ему лично, а потому пусть достанутся иным ценителям.

Оставив на вахте пропуск и ключ от кабинета, Матвей тепло попрощался с офисными водителями, часто бывавшими его благодарными собеседниками, и ушёл. Без сожаления.

Дома к его решению уволится отнеслись на удивление спокойно, как к привычной смене вывески, ни секунды не допуская, что Матвей может остаться «без дела» и не представляя его лежащим целыми днями на диване перед телевизором, или слоняющегося по дачному участку.

Его хороший знакомый, инвалид – колясочник Митя, часто помогавший Матвею своими хакерскими способностями, воспринял новость об увольнении с воодушевлением.

- Давно пора. Надо быть самостоятельным. Откроем какую-нибудь фирмёшку, типа «консалтинг, хэлпинг, решальнинг» и будем спокойно работать только на себя. Пакет учредительных документов могу сделать хоть сегодня....

Выпросив у Мити две недели на «подумать, привести мозги в порядок и выспаться», Матвей тут же загрузил его просьбами о поиске дацанов в Бурятии, их истории (включая мистику), профессоре Бадмаеве, Сергее Алексеевиче Добужинском в связи его тибетскими экспедициями.

Ничему обычно не удивлявшийся Митя удивленно взглянул на Матвея. Тот попытался успокоить своего айтишника.

- Немного денег я тебе перевел. Навара особого не жду, но интересно.

- Да ладно. Самому интересно стало. А деньги – дело наживное. До связи!

Наследие «Княжны»

На следующий день Матвея пригласили в уже известное ему людное кафе с изолированным кабинетом. Для беседы. Отказаться он не мог, да и не хотел.

«Как говорили когда-то в Одессе – если пристав говорит –
—
садитесь, как-то неудобно стоять!»

Да и интересно было! Не зря же он ездил. Пользу какую-то он принес, или просто так в Париж смотался?

Пришедший на встречу пожилой «служивый» с усталыми, красными от недосыпания глазами, был вежлив и тактичен. Поблагодарив Матвея за «профессиональную помощь в важной для страны операции», «служивый» усмехнулся уголками рта.

- Извините, но ни медальку, ни денежного вознаграждения предложить вам не могу. Все ваши расходы оплатил ваш приятель, командировочные вам не положены, поскольку никакой командировки по документам не было. Потому и медалька не положена – никто никаких усердия и отваги при выполнении не проявлял, поскольку ни задания, официально оформленного, ни вашей принадлежности к какой-либо структуре, производящей награждения, не оформлено. Или оформим?!

- Да не дай Бог! – сорвалось у Матвея. И дабы загладить негативное впечатление, которое мог произвести его сорвавшийся отказ на «служивого», спросил.

- Ну, хоть польза-то какая есть от этой документации? Расскажите, если можно, в порядке неофициального поощрения. И дабы не отбить желания продолжить оказание содействия. Пока, правда, такого желания нет.

«Служивый» засмеялся.

- Земля, она круглая. Всяко случается. Про документы расскажу, что можно. Помните, наверно, как сразу после войны де Голль нагрузил целый эсминец бумажными долларами и приплыл с ними в Нью-Йорк, где, якобы, обменял эти бумажки на золото, поскольку у доллара тогда был золотой эквивалент. Так вот, по полученным документам, это всё было не совсем так, но сам механизм операции и француско-американские переговоры и договоренности необычайно интересны не только для историков, но и нашего нынешнего руководства.

О планах Франции и Великобритании подвергнуть совместной бомбардировке предвоенный, а потом и послевоенный Советский Союз только сейчас стала просачиваться информация. Дела давно минувших дней, но всё равно, нам надо всё это знать документально, чтобы противостоять политике дискредитации итогов войны и попыткам пересмотра самой истории.

Очень интересны были записи о планах де Голля выйти из военной организации НАТО и схема организации этой крупномасштабной операции. А уж о пропавших во время эвакуации структур НАТО из Франции грузовиках с архивами нам, конечно, известно, но сами документы достойны ждать очередного Юлиана Семёнова и стать основой остросюжетной книги или фильма.

А вот документы о существующей системе сговора ряда европейских правительств, мировых банков и роли в этом США – это, действительно, очень ценно.

Хорошая работа, боец!

- И княжны, - добавил Матвей.

- Как ты её назвал – «Княжна»?

- Ну да. Мария Алексеевна была дочерью князя, но не была замужем за князем. Потому – княжна.

- Это был её оперативный псевдоним во время работы в Испании, - заметил «служивый»

- А что известно о судьбе Марии Оршич из общества «Туле», её летающих во времени тарелках, брате княжны – Сергее Алексеевиче Добужинском?

- Ничего! Кроме того, что она сама вам сообщила.

- Вы нас слушали?!

Ничего не ответил «служивый». Знать, не мог.

- Матвей, не притворяйтесь наивным. Правила игры известны, и не меняются. И текст пергамента есть у нас, и даже перевод его. И я его даже сообщу вам при условии, что вы согласитесь продолжить... операцию.

- Какую ещё операцию?

- Поскольку всё началось с Марии Алексеевны, а сейчас идет продолжение, назовем операцию «Наследие Княжны». Как вам?

- Стоп. Согласия я вам не давал. И как я могу его дать, если не знаю, о чем идет речь?

- Вы правы. В темную здесь играть нельзя, а юлить с вами бесполезно.

Итак, речь идёт о некоем магическом объекте. Помимо сакральной ценности, он имеет ещё и способность быть применённым как оружие. Оружие огромной разрушительной силы, упоминание о которой есть во всех священных книгах и свитках Непала, Тибета, Китая и Индии. Что это конкретно – никто не знает. Этот предмет, под разными названиями – «Меч Возмездия», «Ключ Мира», «Сфера Бога» уже много лет ищут все астрологи, оккультисты и... сильные мира сего. Его искал Александр Македонский, английская разведка, включая Лоуренса Аравийского. Искали его экспедиции Сталина во главе с Блюмкиным, Гурджиевым и Рерихом. Очень активно искали его нацисты в лице своих научных обществ «Туле» и Аненербе. Можно предположить, что определенное отношение к этим поискам имел и Сергей Алексеевич Добужинский. Не зря же такой интерес к нему проявляли немцы во время оккупации Франции!

- Очень интересно. Для историков и мистиков, - Матвей даже отвернулся к окну, ясно показывая, что «продолжение операции» его не интересует.

- Согласен, что всё это звучит как фантастика, не имеющая отношения к нашей повседневной жизни. Но китайцы закрыли для посетителей и окружили тройным воинским оцеплением, через которое, буквально, и мышь не пробежит, священную для буддистов всего мира гору Кайлас, и уже начали там работы по исследованию всех полостей горы и её бурению. Разведки всех западных стран резко активизировали свою деятельность в этом регионе, имея целью поиск данного артефакта. Кто финансирует и направляет эти работы, можно только догадываться, но мы получили чёткую команду – работать в этом направлении.

Вы ведь знаете о подтвержденных фактах создания и боевого использования технологий, полученных из глубин

веков? Как бы сказочно это не звучало, нельзя сбрасывать эти версии со счетов.

А пропагандистское использование подобных артефактов в таком взрывоопасном регионе с миллиардом фанатиков!

- Ну, хорошо. Вариант Стругацких принимаем как рабочую версию. Что вы хотели от меня? Я еще не даю согласия, тем более, не на что. Но мне интересно.

- Нам надо до конца отработать вариант с пергаментом. Надо узнать, о чём там идет речь. Если пустышка, даже хорошо. Для меня и моих ребят, которые уже голову сломали над этой загадкой. Отрицательный результат – тоже результат. Но в этом надо быть уверенным. А то, не дай Бог, потом станет стыдно перед собой, близкими, да и всем человечеством. За то, что могли спасти, но не сделали.

- Конкретно, от меня что вы хотите?

- Слетать в Бурятию. Предъявить этот текст главному ламе в Иволгинском дацане. Получить артефакт или подтверждение его отсутствия. Если не удастся нащупать след, возвращение домой.

- А если след возьму, то рыть его дальше? Вырубить трехсотмиллионную армию Китая, её стомиллионные службы безопасности, разведки Запада во главе с ЦРУ, МИ-6, БНД. Потом всего-то фигня останется в этом взрывоопасном регионе – Израиль, Пакистан, Афганистан, ну и другая мелочь. Платить с вырубленной головы будете, или по факту?

- Матвей, не ёрничай. След будем уже отрабатывать мы. С тебя – или артефакт из дацана, или рапорт. Всё.

- Кофе хочу! – Матвей чувствовал, что весь клокочет.

- Может, что покрепче? Джемесон? Другого ирландского? – «служивый» включил, как ему казалось, обаяние. Не получив ответа, по одному взгляду Матвея понял, что сфальшивил, и сам принес кофе.

Матвей попробовал. Кофе был действительно хорош.

- Ладно. Туда – обратно. Авиабилеты бизнес-класса. Ваши встречают и охраняют. Номер «люкс» в гостинице, если она там есть. Белая юрта, если отеля нет. Комфортабельный джип с охраной доехать до дацана и обратно. Все остальные расходы оплачиваются охраной на месте по первому моему требованию.

- Да, пребывание в бизнес-структурах испортило бойца...

Давай по порядку – авиаперелет бизнес-классом и номер «люкс» - согласен. Как генерал поедешь. Джип тебе подготовят. Сыграем, что ты его через службу проката заказал. Там ехать километров 70 до дацана. Охрану дать не можем. Там наших человек пять. Как белые верблюды, заметные. Из Москвы тоже дать не можем. Раскусят моментально.

- Кто раскусит? Буддийская разведка? Внедрённые шпионы Запада?

- Береженого Бог бережёт! А ты, что, боишься?

Но Матвей чувствовал, что «служивый» чего-то не договаривал. Попытался «просветить» его мысли, но «служивый», видать, был «стреляный», не зря ему эту тему поручили, - тут же на мыслительный свой аппарат накинуд защитную «сеточку» в виде навязчивого рекламного музыкального ряда, с веселенькими такими переливами, и уже не смог Матвей через эти дебри пробиться. Но чёрный шар, верный признак затаённой опасности, всё-таки рассмотрел. А большего ничего и не надо.

- Ладно, давай перевод пергамента изложи. Близко к тексту, желательно. Небось, на бумажке написал? Показывай...

- Как ты насчет бумажки узнал? Ну, впрочем, меня предупреждали... - они незаметно перешли на «ты», что несколько сняло условности и напряженность первой части беседы, и Матвей стал лучше «читать» своего собеседника.

- Вы ведь знали, что для меня каждое слово значение имеет. А моё вероятное согласие заранее просчитали, с учетом того, что бывших не бывает. Так что давай, колись. Для твоего диктофона, а я не сомневаюсь, что наша беседа пишется, подтверждаю – готов слетать на оговоренных условиях в дацан и привезти то, что дадут. Если дадут...

«Да ду! Да ду!» – слышалось в голове «служивого». Не так легко отвязаться от навязчивой мелодии в голове, особенно, если сам её туда засунул.

«Служивый» достал из внутреннего кармана пиджака сложенный листок и протянул его Матвею.

Текст был набран на компьютере.

«Досточтимому ламе – настоятелю Хамбын – Хурэ (Иволгинского Дацана), защитнику и хранителю Сангхи России.

Да пребудет с тобой (далее традиционные буддийские пожелания).

Много лет назад в дацан попал ларец из Тибетского храма Пробуждения Солнца (перевод названия подлежит уточнению), запечатанный замком и печатью самого Великого (имя подлежит уточнению).

Было также передано, что ларец надлежит вручить подателю сего послания при условии, что он назовет тибетское имя того, кто оставил сей ларец на хранение в

Храме Пробуждения Солнца, а также тибетское имя того, кто перевез ларец из Храма в дацан. Выполняя эту волю, не забывай об опасности, которую таит этот ларец для всех живущих. Будь внимателен и осторожен!

Вручив посланнику ларец, ты завершаешь свою миссию его хранителя.

(Далее обязательные слова благодарности и пожеланий)»

- Ну, и где эти имена – коды? – Матвей посмотрел на «служивого».

- Думали, ты знаешь. Или узнаешь!

- Каким образом? – действительно не понимал Матвей.

- Подумай. Напряги свой «третий глаз». Да все уже про него знают, не надо делать вид, что не понимаешь. Давай так. Тебе и нам неделю на подготовку, потом встречаемся и обмениваемся результатами. И запомни – если нет, значит нет. Я же понимаю, что без этих имен в дацане делать нечего. Захватить же ламу и пытаться вытащить из него этот ларец «особыми методами» нам никто не позволит.

На этой радостной ноте они и расстались.

Дома Матвей долго сидел за свои письменным столом, «прокручивая» в уме ситуацию. Да, в чем-то «служивый» был прав. Одно имя он знал. Он вспомнил тот момент, когда Мария Алексеевна, сделав вид, что закашляла, приблизила лицо к Матвею и тихо сказала, что за помощь тибетцам те дали её брату Сергею имя... Как же это... А, Содном! «Творящий добро»!

Если предположить, что именно Серж привез ларец в Храм. А, может, он привёз ларец уже в дацан? Не хватает

нескольких элементов, чтобы сложилась картинка. Да и второе имя нужно узнать.

Решение съездить в открытую с его помощью загородную школу для одарённых детей, так называемых детей «индиго», возникло у Матвея, как всегда, ночью. И, как всегда, он ему последовал.

Оставив машину у своего домика – баньки, двор которого буйно зарос бурьяном, он, по известной ему тайной тропке направился к школе. Тропа так заросла, что, не будь у Матвея звериной памяти следопыта, он мог бы не найти её. Как он помнил, тропа должна была вывести его на площадку перед главным входом в бывший помещичий дом, который с таким трудом им удалось в своё время получить в долгосрочную аренду за символическую плату.

Сосны

К своему удивлению, Матвей уткнулся в добротный забор, верх которого был украшен колючей проволокой. На угловых столбах забора висели камеры видео слежения. Идя вдоль забора, Матвей вышел к основному въезду на территорию. Красивые сдвижные ворота, гостевая автопарковка и оборудованный пост пропуска свидетельствовали о том, что объект явно непростой и находится под пристальным и неусыпным контролем.

Табличка на стене КПП гласила, что за воротами находится «Специализированное научно-исследовательское учебное заведение «Сосны».

«Что же, по крайней мере не надо платить пусть и символическую, но плату за аренду. Да и спонсорскую помощь тоже больше искать не надо» - подумал Матвей, вспомнив, что его бывший шеф рассказывал о новых

кураторах этой школы, у начальника которых «генеральские лампы даже из-под халата видны». Зайдя в КПП, Матвей был остановлен её главным, в камуфляже, с повязкой на руке, но без опознавательной символики, которая позволила бы определить хотя бы род войск и подразделение, несущее охрану этого номерного объекта.

Пропуска у Матвея, естественно, не было, назвать фамилии командира, либо кого-нибудь из руководства он тоже не мог. К счастью своему, вспомнил, что завхоза зовут Павел, одну из воспитателей – Лида, есть «очень умный, но странноватый преподаватель» Дэн, а в руководстве должен быть Николай Николаевич. К его удивлению, его не послали с такими данными подальше от школы. Старший нажал на телефоне какую-то цифру и дал трубку Матвею.

- Широков. Николай Николаевич, проректор по учебной работе.

Николай Николаевич узнал Матвея, и через пару минут, предъявив паспорт и получив пропуск, Матвей, в сопровождении бойца охраны уже шел к главному входу, где его ждал проректор по учебной работе. Николай Николаевич мало изменился с того дня, когда они, вытащив из «крутой житейской запинди» очередного подопечного бывшего интерната, сердечно расстались в этой самой школе. В своём кабинете, над письменным столом которого висел портрет... нет, не Дзержинского, и не главнокомандующего всех вооруженных сил всей России, а простого немецкого математика и астронома Августа Фердинанда Мёбиуса на фоне его знаменитой петли, Николай Николаевич, предложив гостю кофе, кратко рассказал о школе. Сказал, что мог.

Школа является теперь отделом лаборатории, возобновившей свою работу после почти уничтожившей её перестройки нашего общества. Задачи стоят серьезные, но

главная – не дать самобытным умам и способностям людей работать на иные цели, кроме государственных. Идет отбор людей с необычными способностями. Лучше, если на детском уровне, но изучают и более возрастные категории. Дети живут, учатся и работают в режиме интерната.

Известный Матвею Павел по-прежнему работает завхозом, волшебными руками которого держится всё их хозяйство. Лидия Ивановна – старший воспитатель, молчаливого взгляда которой боятся даже проверяющие из Москвы. А куратор детского потока, который по-прежнему не поделён на классы, а работает в формате группы «думающих людей», - Денис Александрович, которого Матвей должен помнить, как Дэна. А больше ничего Николай Николаевич рассказать не мог. Потому, что!

- Так что занесло к нам, Матвей? Траву вокруг домика покосить? Хотите, дадим команду и вам, как отцу-основателю этого центра, вокруг дома заборчик поставят и траву косить будут, а наружная охрана, которая всё равно там ходит, будет за порядком смотреть?

- Конечно, хочу. Но приехал по другой причине. Теперь – я в сложной ситуации, и мне нужна помощь. Ваша, Дэна, таких как Сережа Барановский. Он ведь еще у вас? – Николай Николаевич утвердительно кивнул головой.

Матвей продолжил:

- Дело это – не шкурное, государева служба меня просила помочь. Но я – на распутье, не знаю, с чего начать.

Николай Николаевич улыбнулся.

- Сегодня утром Дэн, то есть Денис Александрович, мне сказал, что вы придёте. А за час до вашего прихода Сережа Барановский заявил, что на занятия не пойдёт, потому что ждёт «важного» гостя.

- Вот и славненько. Где можем встретиться и поговорить?

Через полчаса, в специальной комнате, всю мебель которой составлял большой круглый стол и стулья вокруг него, встретились старые знакомые. Матвей честно, или почти, рассказал о Марии Алексеевне Добужинской, её брате Сергее, пергаменте. Сказал, что ему нужны два имени, одно из которых он, возможно, знает. Дэн и Сережа сидели с закрытыми глазами, слегка покачиваясь в ритме своих мыслей. Николай Николаевич прямо смотрел на Матвея, иногда постукивая кончиками пальцев о поверхность стола. Матвей чувствовал, как все они словно роются в его голове, буквально просеивая его воспоминания и впечатления. Но он даже не пытался закрыться от этого вторжения, понимая, что это может помочь найти нечто, имеющее значение, но на что сам он не обращал внимания.

Первым заговорил Николай Николаевич.

- Имя, которое вы знаете, второе по очереди. Первое узнаете в беседе с бородатым узкоглазым господином в очках. Встретите его в центре земли русской, в Сибири. Не верьте ему, но из-под контроля не выпускайте. Он – враг, не сожалейте о том, что произойдет.

Потом заговорил Дэн.

- Тайна, к которой вы приобщитесь, не уровня сегодняшнего человечества. Нельзя ей открываться сейчас. Идите смело, ничего не бойтесь. Сейчас к ситуации как никогда подходит поговорка – «Делай, что должен, и будь, что будет!» Не особо полагайтесь на ваших сегодняшних союзников. Они – обычные люди, и не видят дальше козырька своих фуражек. А чтобы приоткрыть занавес, думайте о добре, о том добре, которое вы сделали и еще хотите делать людям. Помните – Добро!

Тактично выждав, когда закончат говорить старшие, сказал своё слово Сережа Барановский.

- Я мог бы просто дотронуться до вашей руки, и вы бы всё поняли. Но я скажу для всех. Матвей, найдя ЕГО, избавьтесь! Немедленно выбросьте так, чтобы ЕГО никогда не смогли найти! И никогда, слышите, никогда, не носите близко к голове или сердцу, - помолчав, продолжил.

- Матвей, а вы пойдёте со мной просто погулять?

- Конечно, Сережа. Подождешь меня на площадке?

Всё было сказано. Лишние слова лишь умножают скорбь.

Далее у каждого был свой путь, начертанный на судьбе.

Но все они знали, что еще встретятся.

Матвей погулял с Серёжей по парку. Они не разговаривали, просто шли, держась за руку. И Матвей узнал о мальчике всё. О том, что Серёжа тоскует по маме и папе, которые так редко приезжают к нему. Серёжа знает, что у мамы скоро будет ребёнок, девочка, и с нетерпением ждёт сестрёнку. Мальчик «рассказал», что очень боится их старшую воспитательницу Лидию Ивановну, особенно, если встречаются они одни, в коридоре или на улице. А дядю Павла, их завхоза, он любит, и дядя Павлик любит его, всегда угощает конфетой, когда увидит.

Матвей узнал, что мальчику нравится в этом интернате, но он хочет вернуться домой и ходить в обычную школу. Он понимает, что он – не такой, как другие, но «он же добрый, никому зла не желает и не будет делать. И все должны это понять».

И еще Сережа уверен, что всё у Матвея будет хорошо, и они скоро увидятся. И Матвей, как обещал, познакомит

мальчика со своей дочкой. «Она ведь нормальная, ну, обычная, не как мы?»

- Нормальная, - успокоил его Матвей.

Уже из машины, готовясь тронуться в обратный путь, Матвей позвонил профессору, в надежде сразу услышать его внучку. Она и взяла трубку, исполняя, видимо, обязанности домашнего секретаря своего ученого деда.

- Маша, это Матвей. Скажите, а как выглядит ваш преподаватель-буддист? И где именно он сейчас?

- Он невысокого роста, со смешной бороденкой в три волоска, узкоглазый. Носит очки. Он сейчас должен быть в Новосибирске, в университете. К нам должен вернуться через неделю.

- Маша, поправьте меня – Дордже Эрденович Бадмаев?

- У вас прекрасная память. Как вам удаётся всё запоминать? Научите?

- Да всё просто. Дордже – похоже на итальянское – дож, к которому бурят не имеет никакого отношения. Эрденович – в детстве мечтал иметь собаку – эрдель-терьера. Бадмаев – был такой знахарь и целитель при дворе последнего российского императора.

- Действительно просто. Надо просто всё это знать и расставить по своим местам...

Осталось одно имя.

Белый рыцарь Тибета

Вечером позвонил Митя. Вечером встретились у дома хакера. Благодаря пандусу крыльца и специальному лифту, установленным в подъезде в результате устроенного Митей скандального обсуждения вопроса в сети, а также «специфической» работе, проведенной Матвеем с главой управы (нашумевшее дело об общественных многоуровневых парковках), хакер – колясочник мог самостоятельно выбираться на улицу. Зная больше, чем многие, о возможностях негласного контроля, он предпочитал обсуждать «интересные» вопросами за стенами квартиры.

Исключив, в обычной своей манере, приветствия, Митя начал с сути.

- Дацанов, то есть монастырей и мест буддийской силы (Сангха по-ихнему) в Бурятии несколько. Самый центральной и известный – Иволгинский дацан в 40 км от Улан – Удэ. Там хранится нетленное тело ламы Итигэлова (Хамбо – лама, по-ихнему). В дацане служит главный лама Бурятии. Там есть университет, где учатся 200 студентов (сахюусанов, по-ихнему). В университете, который является негосударственным учебным заведением высшего религиозного образования, действуют четыре факультета – философский, тантрический, иконографический и медицинский. Буддийский университет поддерживает тесные связи с Новосибирским университетом, особенно по линии нетрадиционной медицины и философии.

Иволгинский дацан находится в селе Верхняя Иволга. По легенде, именно в этом месте остановилась белая лошадь тогдашнего монгольского правителя тех мест, который и

заложил монастырь. В 30-ые годы советская власть полностью, как ей казалось, уничтожила буддизм, закрыв все дацаны. Но в конце Великой Отечественной, когда в СССР стали восстанавливаться храмы всех конфессий, восстановили и дацан. На частные деньги, большая часть которых пришла из Тибета. Многие предметы культа и украшений вернули сохранившие их жители.

Целый пласт истории и мистики связан с бароном Унгерном. Рассказывать?

- Обязательно!

-Барон Роберт Николас Максимилиан фон Унгерн – Штернберг происходит из старинного немецко – балтийского рода (остзейского, по-ихнему). Родился в 1885 году.

Окончил Павловское военное училище. В характеристике – драчун, забияка, дуэлянт, но отличный кавалерист.

Служил в казачьих войсках в Забайкалье. В 1913 году вышел в отставку и уехал в Монголию участвовать в борьбе с оккупантами – китайцами.

После Первой мировой, где опять служил в казачьих войсках, дослужившись до генерала и показывая чудеса личного героизма и недисциплинированности, вернулся в Забайкалье, где начал бороться с советской властью в союзе с атаманом Семеновым.

Идея-фикс Унгерна - реставрация империи Чингисхана от Тихого океана до Каспия.

В 1914 году Унгерн женится по православному обряду с принцессой Цзи из китайской императорской династии Цин, и уходит на территорию Монголии.

Там он создает Азиатскую дивизию. Борьба с китайцами идет с переменным успехом, но сам Унгерн преображается в

монгольского и буддийского лидера. Обычное его одеяние – красно-вишневый халат с белой папахой. В торжественных случаях надевал желтый халат с генеральскими погонами. Его личным знаком было обшитое темно-красным монгольским орнаментом желтое знамя с изображением Спаса Нерукотворного и надписью на старославянском - «С нами Бог». Позже по его приказу в изображение была добавлена черная свастика. У буддистов она закручена в другую сторону, чем у фашистов, и называется «вихрь или жизненная энергия» (мандзи или лунгта, по-ихнему).

В 1921 году он перешел российскую границу и начал борьбу с Советами. Особую его ненависть вызывали евреи, которых он считал главной причиной всех бед. Да и вообще, очень жестоким был этот барон. Отряд Унгерна был разбит. Он хотел укрыться в Тибете, где неоднократно бывал до этого и пользовался авторитетом. Но был схвачен своими же казаками, и по личному приказу Ленина, в том же 1921 году казнен публично. Перед повешеньем он сжевал свой Георгиевский крест, чтобы он «не достался евреям, захватившем Россию».

Монголы его боготворили, называли – «Белый Бог войны» и «Белый рыцарь Тибета».

До сих пор на территории Забайкалья, Монголии, а, возможно, и Китая, захватившего тибетскую гору Кайлас, ищут клады Унгерна.

В воспоминаниях одного довоенного английского альпиниста, а скорее, грабителя старинных сокровищ, я нашел инфу о том, что жена Унгерна, принцесса Цзи, якобы, принесла ему в приданное жж старинный кристалл – «Око мира» или «Око войны», дающий власть над всем миром. Камень, по легенде, давал страшную разрушительную энергию человеку, им владевшему и носившему его. Так вот,

тот англичанин утверждал, что Унгерн спрятал кристалл в одном из монастырей Тибета. Охоту за кристаллом тогда устроили все разведки мира, включая Россию, Англию, Германию, Францию и Италию. Немцы, по некоторым данным, нашли этот монастырь, но кристалл исчез. Под пытками один из лам признался, что перед самым приходом немцев таинственный сверток из монастыря взял какой-то иностранец.

Теперь о Сергее Добужинском. К сожалению, ничего об этом человеке найти не удалось, кроме того, что похоронен он в Париже.

Что касается Бадмаева. Он – профессор, знаток истории, культуры и языков Бурятии, Монголии, Тибета. Преподает в Московском институте восточных языков. Параллельно преподает в Новосибирском университете. Читает лекции в университете Иволгинского дацана, бывает с лекциями и принимает участие в научных экспедициях в Китае, Монголии, Корею. Несколько раз был с лекциями и выступал как эксперт в музеях Англии, США, Германии. Один раз задерживался Интерполом по подозрению в контрабанде культурным наследием, связанным с сокровищами Чингизхана. Вина не доказана, но запашок остался!

- Откуда эти сведения?

- Об Интерполе? Из ментовской сводки...

Матвей уже привык, что спрашивать Митю о происхождении информации бесполезно. Сведения всегда подтверждались, а откуда он их берёт – у всех есть свои профессиональные тайны. Меньше в них лезешь, слаще ешь и спишь!

- Как, говоришь, называли монголы Унгерна? Белый...

- «Белый бог войны» и «Белый рыцарь Тибета».

- Спасибо, Дмитрий. Как всегда, хорошая работа. С меня причитается.

- Забудь. Свои люди. Сочтёмся...

Сразу после встречи с Митей Матвей перезвонил «служивому». Не доверяя мобильному, вызвал того на короткую встречу, на которой кратко сообщил, что скоро готов будет лететь, но полетит в Улан-Удэ через Новосибирск, где должен встретиться с неким Д.Э. Бадмаевым.

- А кто такой Бадмаев? – пытался показать удивление «служивый».

- А вот ты мне и расскажешь. Завтра. На этом же месте, в это время. И деньги на билеты и прочие расходы. Свои тратить с последующей компенсацией не буду.

- Не доверяешь?

- Времена такие!

- Тогда завтра, но в том кафе.

- Без аппаратуры – никуда?

- Времена такие!

Приятно иметь дело с профессионалом. Много говорить не требуется. Правда, и держаться надо настороже.

На следующий день в кафе «служивый» рассказал, что профессор Бадмаев давно находится в поле их зрения из-за своих, так до конца и не проясненных, контактов с иностранцами, подозреваемыми (только подозреваемыми!) в связи со спецслужбами и неправительственными исследовательскими организациями, связанными с историческими артефактами, оккультными практиками и миссионерской деятельностью, в том числе в России.

- Из каких краев людишки-то те? – поинтересовался Матвей, нутром своим чувствующий нарастание опасности.

- Из цивилизованной Европы, из любимых нами Штатов. А в последнее время активизировались связи Бадмаева с китайцами, причем не самыми законопослушными. Его даже обвиняли по линии Интерпола в контрабанде каких-то сакральных ценностей. Там была длинная цепочка – Тибет – континентальный Китай – острова Тихого океана – Штаты – Англия. Но потом эти обвинения сняли. А зачем он тебе?

- Он знаток тибетского языка. Хочу ему показать часть текста пергамента, послушать его перевод и получить от него кое-какую информацию. Да, это связано с именами – кодами. Не спрашивай, почему я выбрал этот путь, всё равно не скажу.

- Твои друзья из объекта «Сосны» подсказали?

- И мой третий «глаз». А твои ребята хорошо меня «пропасли» до «Сосен». Я их не видел.

- Да и следить за тобой не надо было. Телефон. Забыл, что это – маячок, который мы добровольно носим на себе. Ладно, поступай, как знаешь. Вот тебе деньги на авиабилеты, гостиницы и прочие расходы. Большая просьба – отчетные документы представь. Деньги висят на мне, и без документов мне будет сложно разговаривать с бухгалтерией и проверяющими. Да, еще. В Улан-Удэ позвонишь по этому телефону (он передал Матвею карточку туристического бюро) и закажешь на свое имя машину. Тебе её пригонят. Под приборной панелью для тебя будет подарок. На всякий пожарный... Этот же телефон будет для экстренной связи, забей его в свой мобильный. Но лучше для поездки купи себе новый аппарат и номер. Что-нибудь ещё?

- Покажи мне на тексте пергамента, до каких пор я могу показать его Бадмаеву. То есть, до упоминания имён – паролей.

После короткого звонка по телефону, «служивый» сказал, какие строчки надо вырезать из текста.

На том и расстались.

Бадмаев

По номеру телефона, который дала ему внучка профессора Маша, Матвей связался с Бадмаевым в Новосибирске и договорился о встрече.

Полет на синих кожаных сиденьях аэрофлотовского бизнес – класса прошел на должном уровне, то есть, во сне, без обеда и прочих излишеств. В гостинице Матвей быстро принял душ и переоделся, взял заранее склеенный из двух фрагментов текст, и отправился на встречу с ученым буддистом. Оригинал текста он, на всякий случай спрятал в люке вентиляции номера, за решеткой. В кампусе университетского городка Бадмаев, как и договаривались, ждал его на скамейке у главного входа. Матвей сразу узнал его – худощавый, невысокий, с характерным разрезом глаз за чуть задымленными стеклами очков и конфуцианской бородкой, Бадмаев выделялся из основной массы румяных, здоровых и безбородых студентов.

Бадмаев пригласил Матвея в свою, выделенную ему ректоратом университета комнату, и, извинившись за «академический беспорядок», выжидательно посмотрел на гостя, сузив и без того не широкие глаза. Матвей, придав своему лицу по возможности более простоватое выражение, довел до профессора заготовленную легенду о том, что, недавно, роясь на чердаке в старых бумагах своих покойных отца и деда, нашел письмо своего отца, в котором тот писал, что его отец, то есть дед Матвея, воевал в 20-ые года в Забайкалье с бандами атамана Семенова, повстанцами

барона Унгерна, затем участвовал в закрытии бурятских монастырей, да и церквей в русском Забайкалье.

Как писал отец, под конец жизни дед чувствовал раскаяние за свою борьбу с религией, жертвовал деньги на восстановление церквей и даже бурятских монастырей, вернул в церковь несколько взятых им «на память» духовных книг и просил отца вернуть в Иволгинский дацан взятую им там рукопись – пергамент. Пергамент за время не самого тщательного хранения сильно поистрепался, и отец снял с него копию. Отец писал, что хотел выполнить волю своего отца, но жизнь распорядилась по-иному, и такое длинное путешествие оказалось ему не по карману.

Матвей сказал, что хотел бы выполнить волю своих деда и отца, но, прежде чем ехать в Бурятию, решил узнать, а что именно в пергаменте было написано. В поисках переводчика был задействован знакомый Матвей профессор Мусин – Залесский, внучка которого, Мария, будучи студенткой восточного факультета, и указала на досточтимого профессора Бадмаева, как специалиста по языкам этого региона и его истории.

Бадмаев внимательно выслушал Матвея, слегка покачиваясь на стуле, видимо, в такт своим неспешным мыслям. «Просканировав» эти мысли, Матвей не обнаружил в них ничего угрожающего, то есть, ничего подозрительного и настораживающего буддист в рассказе не почувствовал. Продолжая раскачиваться и смотря своими узко прорезанными глазами куда-то вдаль, за спину Матвея, Бадмаев заговорил.

- Да... Двадцатые годы... Забайкалье...

Кровавая борьба красных казаков с атаманом Семеновым, хотевшем создать на этой земле своё, Сибирское царство. И ведь справедливый был атаман, выступал за

сохранение старых казачьих порядков, за свободу вероисповедания, мир с бурятами и другими коренными народами Алтая. Сурово судьба с ним обошлась, не помогла и дружба, и союзничество с властителем¹ Азии бароном Унгерном.

- Да, вот Унгерн. Совсем мало о нём известно. Я, пока не прочитал это имя, совсем о нём ничего не знал. – вставил своё робкое слово Матвей.

- Барон фон Унгерн! Белый рыцарь Тибета, Бог войны, как называли его в Тибете и Монголии. Великая у него была идея – восстановить империю Чингизхана! Большой личной храбрости был человек. Не хватило ему силы, духовной, сакральной поддержки. Не принял он дар, который посылали ему небеса.

- Какой дар? - - удивился Матвей.

- Да это я так. Увлёкся. У меня сегодня была лекция для стажеров из Монголии и Китая, мы с ними беседовали о духовных практиках, учении Дао. Вот никак из этой тематики выйти не могу. Так что вы мне хотели показать?

- Вот! – Матвей протянул Бадмаеву ксерокопию.

- А где центральная часть текста? – сразу спросил тот, едва взглянув на текст.

- Это всё, что я нашел в архиве отца. Он писал, что свиток был в плохом состоянии. Возможно, так и пропал на чердаке. Там же мыши, жучки разные...

- Очень, очень плохо. А вы точно больше ничего не нашли? Ну, ладно, ладно, - Бадмаев явно разволновался.

- Вы в какой гостинице остановились? А то я могу договориться, и вас устроят здесь, в корпусе для преподавателей.

- Спасибо, но я уже остановился в «Сосновом бору».

- Хорошо, подождите меня здесь. Я возьму свои словари. Оставил их в лекционном зале. Я быстро! – Бадмаев очень резво вскочил и выбежал из комнаты. Еще не выйдя за дверь, он уже выхватил из кармана мобильный телефон.

Злодей

«Ну, понеслось. Но зато легче стало. Злодей проявился...»
- лениво подумал Матвей, доставая их холодильника Бадмаева холодную бутылку минеральной воды. Во рту пересохло, а просить попить у хозяина – стрёмно. Отравит еще! Не успел он отпить и половину бутылки, как вошел Бадмаев. Никаких словарей у него, конечно, не было. Да и забыл он о них.

Сев напротив Матвея, он начал медленно, с выражением, переводить текст. Перевод практически совпал с тем, который представил Матвею «служивый». А значит, можно было с уверенностью предположить, что и отрывок про передачу свитка и имена – пароли совпадает. Уже хорошо!

Закончив перевод, Бадмаев поудобнее расположился на стуле, явно готовясь к длительной беседе. Перейдя от вопросов о самом Матвее и его семье, он стал подробно расспрашивать об отце и деде. Особенно его интересовало, где именно воевал дед, где побывал, имел ли отношение к местам силы буддизма. По истечении почти часа беседы, у Бадмаева зазвонил телефон. Взяв трубку, он молча выслушал говорившего, ответив лишь короткое – «Понял!»

- Когда вы летите в Улан – Удэ? Завтра? Это замечательно, я тоже туда лечу. Да – да, у меня там намечены несколько семинаров в университете Иволгинского дацана. К

тому же меня по-человечески заинтересовала ваша история, и я готов помочь вам. Я лично знаком с ламой этого дацана, и с удовольствием окажу содействие в организации вашей встречи.

Отказываться было не удобно, да и ни к чему.

Обыск в номере гостиницы был проведен неопрятно. «Поисковики» явно не имели отношения к официальным силовым структурам и не знали азов проведения обыска. По порядку, сверху – вниз, по часовой стрелке, ставя сдвинутые вещи точно на свои места. В номере же всё было проверено наспех, что было заметно даже по следам пыли. Вещи в чемодане были грубы разворочены так, словно нетрезвый хозяин в темноте искал оставшиеся деньги для продолжения экскурсии в бар.

Убедившись в отсутствии камер, Матвей дождался наступления темноты, демонстративно лег спать, но, полежав некоторое время, тихо встал, наощупь нашел решетку вентиляции и достал вложенный в отверстие файл с текстом пергамента. Остаток ночи файл провел под подушкой героя, а утром был перенесен в особый, изнаночный, карман походной куртки Матвея. Карман, по всей видимости, был специально предусмотрен китайскими модельерами для негласной перевозки чертежей конкурентов.

В аэропорт Матвей, в силу устоявшейся привычки, приехал загодя (надо же изучить обстановку на месте). В салоне связи был приобретен простенький аппарат. Сим-карту он купил еще вчера, в студенческом кампусе, где подобные симки без регистрации пользовались большим спросом. Свой телефон с выключенной батареей, равно как и часть денег, полученных от «служивого», он оставил в автоматической камере хранения. С нового телефона он позвонил по номеру с карточки турфирмы, заказал на следующий день прокатную

автомашину на своё имя, сказав, что адрес доставки уточнит позже. Удостоверившись условной фразой, что его слышит «правильный» человек, попросил задержать чем-то на весь следующий день профессора Бадмаева, который летит с ним.

Войдя снова в зал ожидания, он увидел входившего в зал буддиста, чей чемодан, очевидно, в знак «студенческого подхалимажа», нёс какой-то рослый парень явно не монголоидной расы. Увидев Матвея, Бадмаев подчеркнуто радостно, раскрыв объятия, пошёл к нему навстречу. «Студент» поднёс чемодан ближе к профессору, внимательно осмотрел Матвея и тихо, по-английски, ушёл.

До отлета было еще достаточно времени и Матвей, на правах обязанного за услугу сопровождения и помощи, угостил профессора кофе. Религиозная ориентация Бадмаева не возражала против замены традиционного чая на отрицаемый буддистами кофе, и он даже рассказал Матвею о том, что его далекий родич под той же фамилией, проживавший в свое время в императорском Петербурге и лечивший всю русскую знать здоровыми запахами конюшен, тоже не гнушался кофейного напитка.

- Конечно, не гнушался. Ведь его пил сам Григорий Распутин, который и ввёл, по воспоминаниям очевидцев, того Бадмаева в элиту российского общества, а потом познакомил и с банкирами, с которыми ваш дальний родственник обделывал, по воспоминаниям тех же очевидцев, славные дела на военных подрядах. Если не ошибаюсь, тот Бадмаев канул в революцию куда-то то ли в Сингапур, то ли в Лондон? Наследства не получили?

Бадмаев сдулся на глазах. Выступивший сначала как буддийский гуру, он стал сутулым и обмякшим, как выжатый лимон.

- А вы – не простой человек, Матвей. Хорошо в истории разбираетесь. Это – хобби или профессия? Что касается наследства, то я – слишком далёкий родственник, чтобы на что-то претендовать.

- Нет, Дордже Эрденович, я не историк. Интересуюсь потихонечку.

Услышав обращение к себе по имени – отчеству, Бадмаев замолк окончательно. Хорошо, что он летел эконом классом, и у Матвея не было необходимости поддерживать разговор весь неблизкий полет.

Дацан

Приземление было на троечку, потому и аплодисментов пилоты не заслужили. Как выяснил Матвей, выйдя из самолета, причиной был сильный ветер порывами, что было обыденным явлением в этих местах.

Пассажиров бизнес класса выпускали из самолета первыми, но переднюю дверь почему-то не открыли (ветер?), и Матвею с его чемоданом пришлось идти через весь эконом класс, где он видел отвернувшегося от него Бадмаева, рядом с которым сидел... тот самый «студент», подносивший профессору чемодан. Нежданчик!

Выходя в зал прилета, Матвей увидел ожидавшую кого-то группу людей в погонах и без них, но с одинаковым выражением лица. Что же, хорошо иногда опираться на мощь государства и его силовых структур!

Гостиница, одно название которой – Парк Отель – тянуло на пять звёзд, удивила комфортом. И накормили неплохо. От пешей экскурсии по городу Матвей решил отказаться. Ветер!

Номер был заперт на все ключи, с вывешиванием грозной надписи - «Не беспокоить!». На всякий случай подперев дверь стулом, Матвей выпался как младенец. Вообще, за эту поездку он столько спал, в самолётах, гостиницах, вёл такой здоровый образ жизни, что чувствовал, как пухнут щеки. Еще, не дай Бог, живот начнёт расти...

Надраенный до блеска внедорожник подогнали к гостинице рано утром, оставив ключи и договор у портье. Подписав договор, Матвей сел в автомобиль, настроив в навигаторе пункт назначения – село Верхняя Иволга. Его отнюдь не удивило, что следом за ним от гостиничного паркинга отъехала неприметная «Нива». Порадовало лишь то, что в машине был только один водитель, и это был не Бадмаев.

Доехав по неплохой, в целом, дороге до села, Матвей без труда нашел дацан. Да и трудно было не заметить этот сказочно красивый комплекс с центральной пагодой в бескрайней степи. Поставив на гостевую парковку свой автомобиль, Матвей прошел прямо к центральному храму, приятно удивляясь отсутствию охраны и суровых адептов веры, строго следящих за проникновением чужаков.

Внутри, как сказала бы русская богомольная старушка – «грязненько, но пышно». Буддизм ведет своих последователей к чистоте душевной, не обращая внимания на чистоту служащих им предметов утвари. Как, кстати, и родственный ему индуизм. Двое молодых лам, или учеников, или студентов, о чем-то тихо говорили в углу храма.

Подойдя к ним, Матвей тихо спросил по-русски, где он может видеть главного ламу. Не удивляясь его вопросу, один из облаченных в жёлтую тогу юношей на чистом русском ответил:

- Он у себя, - и показал на лестницу в боковой части храма, ведущую на второй этаж.

Поднявшись наверх, Матвей увидел, что зашедший за ним в храм бадмаевский «студент» остался стоять внизу лестницы, что-то набирая в своем телефоне. Матвей вспомнил, что у входа в храм он видел знак, запрещающий использование мобильных.

Имена судьбы

Лама, а это очевидно был он, сидел на корточках перед дымящимися свечами, сложив руки в молитве. В красном одеянии, с гладко выбритой головой и тонких очках в золотой оправе, он выглядел торжественно и умиротворенно. Не зная, сколько продлится молитвенный сеанс и с учетом стоящего внизу «студента», а также возможности прибытия в любой момент в дацан Бадмаева, Матвей долго не раздумывал. Он просто положил перед ламой копию пергамента. Не удивившись и как-бы продолжая диалог с высшими силами, лама взял бумагу и буквально впился в неё глазами. Затем встал и молча, жестом, пригласил Матвея в маленький кабинет, вход в который был задрапирован красно-жёлтыми полотнищами.

- Где оригинал этого письма? - голос ламы был мягок, но в нем чувствовалась сила.

- Не мог вывезти из страны, где мне его передал умирающий друг. Пришлось уничтожить.

- Ты знаешь имена? Говори первое.

- «енарарБелый бог войны» и «Белый рыцарь Тибета» барон Унгерн.

- Хорошо. Второе имя?

- Содном. «Творящий добро».

- Хорошо. Жди здесь.

Через несколько минут, показавшимися Матвею часами, лама появился из другой потайной двери. В руках он нёс небольшую шкатулку зеленого камня. Шкатулка была закрыта на изящной работы замок в виде змеиной головы без отверстия для ключа и опечатана сургучной печатью с изображением дракона.

- Ты должен открыть ларец при мне. Иначе я тебе ничего не отдам, - лама поставил шкатулку на стол.

Матвей вспомнил слова Дэна – «Чтобы приоткрыть занавес тайны, ты должен думать о том добре, которое сделал и хочешь сделать для людей». И глядя на зелёный ларец, Матвей стал вспоминать все те добрые дела, которые он успел сделать в жизни. Начиная с Африки, где спас кубинского товарища, умирающую дочь вождя, африканского мальчика. Вспомнил историю Сережи Барановского, инвалида Митю и еще многих – многих. Сам не подозревал, скольким удалось помочь. Хотя и нельзя вспоминать сделанное тобой добро. Не твоё это дело...

Потом стал думать о том, кому хотел бы помочь. Но здесь в голове сразу вспыхнули слова Сережи о том, что он должен уничтожить Зло, избавиться от него так, чтобы никто не мог найти.

Не успела мысль покинуть голову, как сургучная печать с ларца отпала, замок – змея разомкнула пасть и крышка открылась. Еще не видя, что там, внутри, Матвей и лама стояли, замороженные ярким жёлтым светом, исходящим из ларца и заполнившим всю комнату. Когда свет несколько утратил свою яркость, и они смогли приблизиться к ларцу, увидели в нем ярко-жёлтый кристалл, внутри которого

переливался свет, меняя свои цвета от тёмно-синего до ярко-белого.

- Бери, ты знаешь, что с ним делать, - усталым голосом, словно свалив со своих плеч многопудовую тяжесть, сказал лама, - только не закрывай над ним крышку, а то снова можешь не открыть.

Матвей вынул кристалл, предварительно плотно обмотав его переданной ему ламой тканью и положил в один из бездонных карманов своей куртки. Саму зеленую шкатулку спрятал в другой карман.

- А если бы я не открыл ларец? – не мог не спросить Матвей.

Лама взял отпавшую от ларца большую сургучную печать и положил её на то место, где лежал до этого ларец. Затем он отошел на своё прежнее место и, наверное, что-то нажал. Печать просто провалилась в образовавшуюся под сдвинувшейся столешницей щель.

- Там, внизу, колодец, где много веков живет змеиная семья. Мы их кормим. Это – не вечное хранилище, но определенная гарантия безопасности есть. Но главное – это мысли, без которых ларец не откроется. Многие пробовали. Китайские императоры, ваш барон Унгерн. Смерть их была страшна, но еще большую беду всему человечеству может принесли этот кристалл, если его используют черные душой люди. Войны, болезни и ненависть несёт он роду человеческому. Запомни, он не должен касаться кожи. А теперь прощай. Я выполнил волю Великого Тенгри и должен удалиться от мира.

На лестнице раздался топот ног и голос Бадмаева.

- Никто не должен уйти! Только живыми!

- Сюда, - показал лама на потайную дверь, через которую он внёс ларец, - Иди вниз, потом по коридору в университетский корпус. Боги тебе помогут!

Они спустились в узкую галерею, ведущую вниз. Заперев дверь на крепкий засов, лама показал Матвею направление, а сам незаметно исчез в одном из боковых коридоров.

Пока преследователи ломались в дверь и искали в лабиринте ходов ламу и Матвея, он сумел выскочить из университетского корпуса на парковку, вскочить в машину и заведя мотор, вылететь со стоянки. Через несколько минут он увидел за собой хвост пыли, в котором разглядел две машины. Сигналя и мигая фарами, Нива и какой-то иноземный внедорожник пытались догнать Матвея с его драгоценной ношей.

Асфальтовое шоссе было плохим помощником Матвею, тем более по нему хоть и редко, но проходили машины, а рисковать жизнью невинных граждан не хотелось. Увидев на ответвлении дороги знак «Строительные работы», Матвей лихо его сшиб и полетел вперед, уваливая от ям и куч гравия. Подождав, пока внедорожник преследователей поравняется с его машиной, а сидящие в ней люди, достав оружие, начнут делать недвусмысленные знаки и стрелять в воздух, уговаривая Матвея остановиться, он резко подрезал преследователей, заставив их въехать в глубокий кювет. Чуть притормозив, Матвей вдруг вспомнил об оставленном для него подарке под приборной панелью. Чутьё его не обмануло. В засунутую под панель руку удобно и привычно легла рукоятка пистолета. Не успев даже рассмотреть модель оружия, Матвей поставил пистолет на боевой взвод, вышел из машины. Двумя выстрелами он заставил преследователей навсегда успокоиться. Еще два выстрела пробили бензобак и заставили воспламениться вытекающее топливо.

Осталась Нива. Немного отстав на разбитой дороге, она уверенно приближалась к Матвею. Судя по торчащим из окон рук с оружием, это был пятидверный вариант российского внедорожника, и было в нем не менее четырех человек.

Играть в засаду было бесполезно, и Матвей продолжил уход от погони, надеясь на другой удобный случай.

Яма

Несколько лет назад, находясь в этих краях по служебной необходимости, они заехали в придорожную харчевню «полакомиться», как обещал их местный сопровождающий, местным кулинарным изыском – бозами. Опытав знаменитый продукт той харчевни, располагавшейся на территории участка, огороженного железным забором из гофрированной жести, был плакат с весьма схематичным изображением этих самых больших бурятских хинкалей. Руки они тогда помыли из привезенных с собой пластиковых бутылей, поскольку были предупреждены о дефиците в этих местах воды. Стараясь не думать о том, как здесь моют посуду, Матвей попробовал действительно вкусный мясной пельмень с верхним узелком из теста, за который и полагалось его брать. Затем решил выйти на задний двор, подышать воздухом.

Там его поразили две вещи. Первое – огромный и жирный, весь блестящий от пота «батыр», раскручивал над головой моток теста, с размаха шлепал им по своему необъемному брюху. Увидев заинтересованный взгляд Матвея, он громко прокричал ему в такт движению теста.

- Самый вкусный, когда бараньим жиром смазан!

Вторая «изюминка» была посередине заднего двора. Вырытая, видимо, ковшом экскаватора огромная, до

половины заполненная, яма, через которую была перекинута широкая доска. «Перилами доски» служили две толстые веревки, закрепленные на столбиках у края ямы. Зашедшие на доску подростки показали Матвею её предназначение. Держась за верёвки, они присели над краями доски, справляя свои естественные потребности.

Нет нужды говорить о том, как настойчиво Матвей торопил своих попутчиков продолжить путь. На пути к цели своего путешествия была еще одна, но уже приятная остановка. На трассе, как по мановению волшебника, был возведен маленький двухэтажный домик – отель со всеми благами цивилизации. Как сказали Матвею, его построил депутат Государственной Думы от этой отдаленной территории и известный певец. Вода доставлялась к этому отелю, построенному для того, чтобы депутат и «сильные мира сего», тоже навещающие этот окраинный уголок России, могли в нем отдохнуть в привычных условиях, только в огромных цистернах.

Но Матвею с гордостью сказали, что «их депутат» добился того, чтобы в Бурятии была начата работа по глубокому бурению на воду, и скоро вся степь будет зоной садов!

И вот, летя по строящейся дороге, Матвей увидел сначала транспарант с дымящимися бозами, а затем и такой приятный забор из листов гофрированной жести, из ворот которого выезжала огромная буровая машина. Немыслимым виражом объехав буровую, перегородившую за ним дорогу, Матвей свернул за харчевней в проулок, достав, на всякий случай пистолет. Дальше был посёлок, и продолжать по нему гонку было опасно. Для местных жителей.

Машина преследователей, избегая удара с буровой, резко свернула во двор харчевни. Брызги от въехавшей на

всём ходу в яму Нивы, высоко и широко разлетелись по округе. Спасибо забору, спасшему Матвея и его внедорожник от ароматного «душа». К яме, на поверхности которой была видна крыша автомашины, вокруг которой булькали пузырьки воздуха, подбежали хозяева и посетители харчевни, степенно подошли буровики.

Местными сразу было предложено зацепить машину тросом буровой и выдернуть её из жижи. Пожилой буровик с рыжими усами и надписью «Мосводоканал» на линялой серой куртке молча выслушал советы и сказал.

- Дёрнуть можем. Кто с тросом нырять будет?

Желающих не нашлось. На помощь пришла русская смекалка. Буровики подогнали свою машину, нацелили бур на середину крыши и, включив мотор, «пробурили» Ниву насквозь. Когда бур вошел метра на два, бур был вынут вместе с насаженной на него Нивой и поставлен рядом с ямой.

Двери были закрыты, поскольку теснота стенок ямы не позволила пассажирам их открыть. Сквозь открытые стекла было видно, что оказывать помощь некому. Местные, заткнув носы, быстро разошлись, позвонив по мобильному в МЧС.

Пока водитель буровой и один из рабочих «высверливали» бур из Нивы, рыжеусый подошел проверить прочность торчащей в другом углу двора обсадной трубы. Матвей подошел к нему.

- Вы ставили?

- Да, сегодня закончили. Аппаратуру уже увезли.

- И что? Есть вода?

- Сколько угодно. На глубине метров триста. Целое море, глубиной больше полукилометра. На всю их степь воды

хватит. А то живут по-скотски... Даже этих – кивок в сторону Нивы, - обмыть, надо будет цистерну с водой сюда везти. Ладно, бывай! Поехали мы. Нам еще до темна надо успеть в другую точку приехать.

Да, лихо ты сегодня нас объехал. Извини, наша вина. Ты был помехой справа и на главной дороге. Но водила наш в этой Бурятии совсем расслабился. Привык, что все нас пропускают. «Дающие воду!». Нас, как божков своих, уважают.

Но Матвей его уже не слушал. Море воды! Это – дар судьбы!

Он быстро взял зеленую шкатулку, положил туда кусок обычного гравия и закрыл крышку. Каменная змея намертво сомкнула свои челюсти. Запертую «на века» шкатулку Матвей бросил в открытое окно испачканной Нивы.

Сам же кристалл, не разворачивая ткани, он опустил в обсадную трубу, представляя, как «Око войны», излучая свет, летит триста метров по трубам, а затем не менее полукилометра падает на дно подземного моря, зарываясь в многовековой ил.

По дороге в столицу, освещаемую лишь фарами его надежного внедорожника, да светом встречного транспорта, не утруждающего себя переключением света на ближний, Матвей увидел вдали «ёлку» милицейской машины. «Спасибо, Господи, за напоминание зарвавшемуся от выпавшей удачи барану!». Матвей вытер рукоятку и спусковой крючок пистолета (Спасибо «служивому» за подарок. Пригодился!) и, дождавшись, когда не будет встречных машин, выбросил его в окно.

«Интересно, кто встретит меня в гостинице? Сам «служивый», или кто повыше? Не могут не встретить! Я ведь должен везти им или награду, или повышение. За такое дело

не жалко и денег потратить на самолет. Тем более, денег государственных...»

В холле отеля Матвей положил на стойку портье ключи от машины.

- Спасибо за транспорт. Там, у машины есть небольшая царапина. Неудачно запарковался. Готов оплатить!

- Да ладно. Сочтёмся, - услышал он за спиной до боли знакомый голос. «Служивый»!

Тот вышел из-за матвеевского плеча, суровыми глазами глядя на героя.

- Где? – взяв Матвея за локоть, он отвел его в сторону.

Вот тебе раз. А «как я рад тебя видеть! Живым! Мы так волновались, и я, особенно! Устал, поди, с дороги?»

- Не знаю, - глаза Матвея были предельно честны, - Бадмаев взял ларец. Вы ведь не задержали его, как я просил.

В номере, куда «служивый» фактически довёл Матвея, крепко держа того за локоть, он сначала включил какой-то приборчик, замигавший красной лампочкой, а потом приступил к допросу.

По дороге к гостинице Матвей успел «слепить» легенду, и она звучала вполне убедительно.

- В дацане я поднялся в кабинет к ламе, назвал ему кодовые имена – «Белый Бог войны» и «Творящий добро», и он вручил мне шкатулку из зеленого камня. Шкатулка была заперта на какой-то мудрёный замок, и только мы пытались открыть её, как ворвался вооруженный Бадмаев со своими людьми. Он схватил шкатулку и, наставив на нас с ламой пистолет, стал требовать, чтобы мы её открыли. Лама выключил свет и втолкнул меня в какой-то ход. Крикнув мне – Беги! – сам исчез куда-то. Я добежал до машины, нашел там

пистолет – за него отдельное спасибо! – и погнал в город. За мной была погоня – две машины. Одна почти догнала меня, они открыли огонь, но, к сожалению, не справились с управлением, попали в кювет и, по-моему, загорелись. Я видел огонь в заднее стекло. Вторая машина, Нива, въехала за мной в посёлок, пыталась, видимо, обойти меня по другой дороге, но куда-то исчезла. Больше я её не видел.

- Подводим итог. Шкатулка у Бадмаева, а тот исчез.

- Всё точно.

- Ладно. Спи! В Москве увидимся.

Вместо эпилога

Утром, как положено, Матвея ждали два «попутчика», судя по одежде, явно из Москвы. Они проводили его до аэропорта. Еще никогда Матвея так тщательно не осматривали, как при той посадке на московский рейс. Прощупали каждую вещь из чемодана, просветили самого Матвея. Хорошо, не дошло до специфических медицинских процедур, но, видимо, рентгена хватило. В самолете рядом с Матвеем сидел один из московских попутчиков. Жалко, что непьющий, а то Матвею, «раскрутившему» своим обаянием стюардессу на пару «внелимитных» виски, было не с кем поговорить о своих туристических впечатлениях.

На третий день своей тихой московской жизни Матвей был вызван в известное ему кафе. «Служивый», даже не взглянув на представленные ему финансовые документы по поездке, был суров.

- Бадмаева и его подручных, с трудом, но достали и отмыли. Оружие действительно было стрелянным. В машине нашли шкатулку зеленого цвета. Спецы не могут второй день открыть её и даже определить, из какого материала она

сделана. Есть версия, что она цельная. Какие мысли по этому поводу?

Матвей пожал плечами.

- Вторую машину нашли сгоревшей. У пассажиров – смертельные пулевые. Из того самого пистолета. Пистолет тоже нашли. Местные жители почти добровольно принесли. Отпечатков нет. Твоя работа?

Матвей снова пожал плечами.

- Хозяева харчевни, рядом с которой в яму с ... водой попала Нива, опознали тебя по фото. Как и буровики. Что ты там делал?

В третий раз Матвей пожал плечами.

- «Белый Бог войны» - это Унгерн?

- Да, это он отвез шкатулку в монастырь Тибета, тоже не открыв её.

- Откуда знаешь?

- Бадмаев...

- А второе имя?

- «Творящий добро» - это Сергей Алексеевич Добужинский, которому удалось перед самым приходом немцев в этот монастырь забрать шкатулку и переправить её в дацан.

- Откуда знаешь?

- Знаю...

- Мы с тобой квиты. За порчу внедорожника ты ничего не должен. Но и мы тебе тоже. Говорить о том, что всё произошедшее...

- Уже забыл.

- Пока. Может, еще свидимся.

- Земля круглая...

В заключение «служивый» передал Матвею его телефон и даже конверт с деньгами.

- Ребята из Новосибирска передали. Привет тебе! В нормальные гости зовут....

Зато в «Соснах» встретили, как родного. Сережка с разбега бросился обнимать Матвея, Дэн, улыбаясь, сложил над головой руки в «космическом приветствии». Николай Николаевич крепко пожал руку.

- Всё знаем! Хорошая работа... У нас тоже всё хорошо. Вот предложили поработать над какой-то зеленой шкатулкой. Технари её вскрыть не смогли, просят нас мозговой штурм ей устроить. Что думаешь?

- Не открывается она. Да и нет там ничего интересного. Уже.

